

№12

Декабрь 2020

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 44

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ПАМЯТНИК
ПОЭТУ ВОЗВЕДЕН...»

ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

БАНК ВТБ — СПОНСОР ПРОЕКТОВ
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДZE
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДZE
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДZE
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДZE

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДZE
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДZE
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№12 (182)
Декабрь 2020

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЛАТООБИЛЬНУЮ КОЛХИДУ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 10 25 ЛЕТ НА МИРОВОЙ ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 14 НОВОГОДНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В ГРУЗИИ
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 17 ИГРЫ РАЗУМА ДЛЯ КВАРТЕТА
ИРИНА ВЛАДИСЛАВСКАЯ
- 22 ТБИЛИССКИЙ «ШТИРЛИЦ»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 27 ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЕСТНИК
- 31 ГЕОРГИЙ ШАВГУЛИДZE. ТРИУМФ В РЕСТОРАНЕ «АРАГВИ»
ЛЕЙЛА НАНИТАШВИЛИ
- 36 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 44 «ЗДЕСЬ БУДЕТ ПАМЯТНИК ПОЭТУ ВОЗВЕДЕН...»
БАДРИ КУТАТЕЛАДZE
- 50 ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ И ФАБРИКИ: ЖИЗНЬ В НОВОМ ВЕКЕ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 52 ИЗ «ВАРЯГА» – В МИРОВУЮ СЛАВУ
ИРИНА ДЗУЦОВА

На обложке – ПАМЯТНИК НИКО ПИРОСМАНИ. СКУЛЬПТОР Э. АМАШУКЕЛИ
Фото АЛЕКСАНДРА СВАТИКОВА

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

МАЭСТРО С ТЯЖЕЛЫМ ХАРАКТЕРОМ

Точная дата рождения нашего героя точно не известна, есть только запись о его крестинах 17 декабря 1770 года в одной из церквей немецкого города Бонна. Нормально-го детства с беготней по улицам и играми со сверстниками наш герой, похоже, был лишен – он усердно учился играть на фортепиано, органе и скрипке, а в семь лет даже дал первый концерт. Дело в том, что его строгий родитель вознамерился сделать из него «второго Моцарта» и повторить подвиг его отца Леопольда, ибо наш герой был музыкальным вундеркиндом. Серьезно сочинять музыку мальчик стал с 12 лет. Одним из его первых сочинений была «Элегия на смерть пуделя» – наверное, очень переживал о смерти домашнего любимца. В 22 года наш герой уехал в Вену, где, кстати, и прожил до конца жизни. Между прочим, с великим Моцартом он познакомился в Праге во время театральных репетиций легендарной оперы «Дон Джованни». Он сел за инструмент и

сымпровизировал на заданную тему, а также принял участие в соревновании с маэстро в виртуозности игры на клавесине. Моцарт сказал о нем очень многозначительно: «Этот мальчик Бетховен скоро заставит всех нас говорить о себе». Да, мы говорим об одном из величайших композиторов в истории музыки Людвиге Ван Бетховене. Значение его музыки невозможно даже оценить, настолько оно важное для всех музыкантов. Он создал новый музыкальный язык, создал современную симфоническую музыку, именно при нем музыка окончательно вышла из периода барокко в романтизм. Бетховен расширил состав оркестра, превратив его в по-настоящему своеобразный единый музыкальный инструмент, а не в группу инструментов, обслуживающую исполнителя. Он скончался 26 марта 1827 года в возрасте 56 лет, предположительно от цирроза печени. Да, иногда в питии он был неумерен. Человеком он был резким, непримиримым, и нрав у него был непростой. Когда спустя много десятилетий после его смерти русский гений Петр Ильич Чайковский познакомился в Вене со старушкой, которая в юности была горничной Бетховена, то все, что он от нее услышал, было: «У маэстро был очень тяжелый характер».

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КИНЕМАТОГРАФА

Ну, не были они первыми, эти братья Люмьер! То есть в конце декабря 1895 года в Париже были показаны несколько первых киносюжетов для публики, купившей билеты – то есть состоялся первый коммерческий киносеанс. Дата была случайно выбрана, ведь еще за полгода до нее Люмьеры показывали свои короткометражки по полторы минуты, включая «Прибытие поезда» и «Выход рабочих с завода» своим друзьям и деловым партнерам. А сам киноаппарат с кинопроектором братья изобрели на несколько лет раньше. И вообще, с движущимися картинками человечество было хорошо знакомо уже не один десяток лет к концу позапрошлого века. Все любознательные горожане мало мальски крупных городов Европы и Америки уже побывали на сеансах бесчисленных Латерна Магика – «Волшебных фонарей», посетили аттракционы с «кинетоскопом» Эдисона, проектором американца Ж. А. Ле Роя, а еще раньше получившего патент англичанина Вордсворта Дони-сторпа. До сих пор многие историки и «квасные патриоты» всех мастей из разных стран спорят о приоритете на изобретения кинематографа, хорошо хоть от этого умыли руки рос-

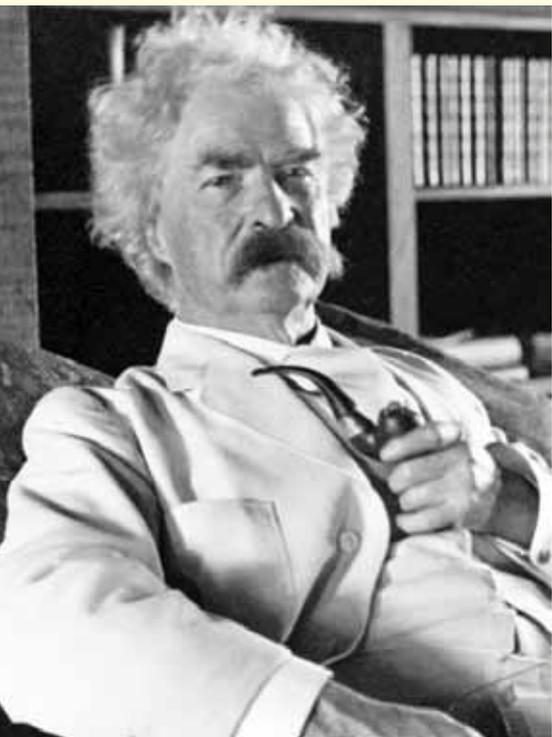

сийские исследователи – не всегда Россия была «родиной слонов». Хотя грех не вспомнить вклад отечественных изобретателей И. Тимченко и М. Фрейденберга. Зато чуть ли не первые выездные сеансы фильмов Люмьеров состоялись именно в Москве в нынешнем ГУМе буквально через пару месяцев после парижской премьеры в салоне «Гран-кафе» на бульваре Капуцинок – да-да, именно так называется эта улица в Париже. В Москве стояла развеселая Масленица с колокольным звоном и блинами. Разношерстная публика развлекалась на праздничных гуляниях на Красной площади, как и теперь. Было полно всяких каруселей, костров, ряженных, бесчисленных лавок, тиров и всевозможных аттракционов – все от «конфеток-бараночек» до «хруста французской булки». А тут какие-то заезжие иноземцы привезли небывалое зрелище. А что? Интересно! И почтеннейшая публика толпой повалила смотреть французскую новинку в зальчик на втором этаже первой линии Верхних Торговых рядов. В те времена в России, как и теперь, легко было хорошо заработать на иностранной диковинке. С самых же первых просмотров русские самозабвенно влюбились в новый вид искусства. Первые специализированные электротeatры в Москве, Питере и в Нижнем – тогда еще не было названия кинематограф – появились уже к концу весны 1896 года в основном в помещениях популярных трактиров. Там быстро «до дыр» закрутили те самые, привезенные несколько десятков первых люмьеровских пленок, пока публика к ним чуть было не потеряла интерес. Но первые в истории кинопродюсеры не зря ели свой тяжелый и горький хлеб – они много-много снимали, показывая своим зрителям всякие достопримечательности из разных уголков мира. А потом быстро сообразили, что надобно видовые картинки соединить с театральным драматическим действием, и тогда будет «то, что надо». Так появился кинематограф – сначала темные мутноватые мелькающие картинки, потом душе-

щипательные мелодрамы и комедии положений типа наших ситкомов под раздолбанное пианино тапера, сначала было без звука, а потом со звуком, сначала черно-белая картинка, а потом цветная, с запоминающимися песенками, красивыми актерами, модными нарядами, а потом все это как-то внезапно превратилось из занятного зрелища в самое настоящее искусство – невообразимо огромный прекрасный мир грез. Да, братья Люмьер не первые изобретатели движущихся картинок, но настоящий кинематограф создали именно они!

ДВЕ МОРСКИЕ САЖЕНИ МАРКА ТВЕНА

С капитанского мостика старенького колесного парохода, расекавшего мутные воды великой американской реки Миссисипи, раздался громовой голос капитана, многократно усиленный жестяным рупором: «Эй, лоцман, чертов Сэм, какая глубина на лоте? На мель не сядем?!» «Вторая метка, сэр! Надо отворачивать!» – откликнулся молодой лоцман – совсем юноша на носу корабля с шестом для промера глубины в руках. Вторая метка, а по-английски mark twain – это, говоря на языке обычных людей, означало, что достигнута опасная минимальная глубина, в две морские сажени (примерно 3,7 м). Когда через несколько лет этот молодой человек стал известным журналистом и писателем, он вспомнил этот термин и сделал его своим именем, вскоре ставшим известным на весь мир – Марк Твен.

В самом начале зимы нынешнего года американцы отмечают юбилей – 185 годовщину со дня рождения одного из самых блестящих американских писателей-классиков. Это был великий острослов, юморист и сатирик, выдающийся публицист, гуманист и демократ. Но нам он известен блестящими повестями и рассказами, на которых выросли многие из нас – «Приключения Тома Сойера», «Приключения Гекльберри Финна», «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», «Принц и нищий» – это все написал он, Марк Твен. Его настоящее имя, данное родителями, было Сэмюэл Клеменс. А еще были многие десятки сборников очень остроумных и ироничных рассказов. Он, много путешествуя, писал великолепные и смешные путевые заметки. Его обожали читатели газет, где он регулярно печатался, его фельетоны побаивались, над его шутками смеялись и передавали их друг другу в виде анекдотов. Даже сам Его императорское величество русский государь Александр II, радушно принимая Марка Твена в своем Ливадийском дворце в Крыму, несколько раз повторил, что давно его преданный читатель. И в это нетрудно поверить, благо монарх был не просто просвещенным человеком, но и читал свободно на нескольких языках, включая английский. Марк Твен прожил долгую жизнь. Застал еще рабство на Юге, воевал, правда недолго, в Гражданской войне, видел, как строилась Америка, заводы, железные дороги, небоскребы Нью-Йорка, как появился сначала телеграф, затем радио, увидел первые полеты самолетов. И всю эту жизнь он был на виду и, представьте себе, не исписался, не сдал творческих позиций ни на дюйм. Он жил частенько, что называется, «на пределе» и ни разу, невзирая на свою непростую судьбу, не сел ни на какую мель, потому что, как он сам шутил, его хранила «вторая метка» в две морские сажени. Когда же по ошибке в одной газете появился его некролог, Марк Твен написал ехидное опровержение: «Слухи о моей смерти несколько преувеличены».

САМЫЕ СТАРЫЕ ФИРМЫ

Исследователи истории бизнеса и предпринимательства выяснили, что большинство фирм гибнет через 12 с половиной лет с момента своего основания. Гораздо меньшее число – одна двадцатая живет 50-60 лет. Но есть и счастливые исключения – три года назад было выяснено, что на свете есть 967 предприятий, основанных до 1700 года, две трети которых находятся в Японии. И не-

мудрено, ибо эта страна славится своими незыблемыми традициями в бизнесе. Но и в этой статистике есть невероятные исключения, свои патриархи-мафусаилы, чья трудовая деятельность началась в восьмом веке. Это несколько японских гостиниц на водах. Люди во все времена приезжали к минеральным источникам, чтобы излечить свои болезни. Это «Nisiyama Onsen Keiunkan» (с 705 года), «Koman» (с 717 года), «Hishi Ryokan» (с 718 года). Старейшая в Европе компания – ресторан «Stiftskeller St. Peter» («Погребок монастыря Святого Петра»). Работает в австрийском Зальцбурге с 803 года. В Ирландии есть старейшее питейное заведение в мире «Sean's Bar», оно работает с 900 года. На полвека позже был открыт старейший английский паб «The Bingley Arms». Очень долго живут некоторые винодельни, литейные фирмы, отливающие колокола. До сих пор пользуется популярностью продукция стеклодувной венецианской компании Barovier & Toso, основанной в 1295 году на знаменитом острове Мурано – их стеклянные светильники очень хороши, можете взглянуть в каталоги. А из оружейных фирм самая старая – знаменитая итальянская Беретта, известна аж с 1526 года. Она до сих пор принадлежит одной семье. Их пистолет из серии в серию использует, чтобы поразить врагов, агент 007 – Джеймс Бонд. Но самой старой оказалась фабрика «Kongo Gumii» из Японии. На ней изготавливались детали для строительства деревянных домов, ворот и мостов. Эта фирма веками занималась возведением храмов, изготовлением мебели и даже... гробов. Ее основали аж в VI веке (578 году). Но, к сожалению, в 2006 году она была поглощена конгломератом Tokamatsu.

Новое здание музея в Вани

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЗЛАТООБИЛЬНУЮ КОЛХИДУ

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

Несколько школьников, оживленно беседуя, идут по красивому подвесному мосту, который ведет к современному зданию кирпичного цвета. Они заходят в помещение и сразу замолкают: в полумраке огромного зала их взору открываются освещенные мягким желтым светом предметы из золота, серебра, бронзы и стекла. В овальном зале под круглым стеклом помещена изящная статуэтка женщины с длинными крыльями – это одна из главных фигур древнегреческой мифологии богиня победы Нике, ее возраст насчитывает более 2100 лет, а «родом» она из античного города Вани.

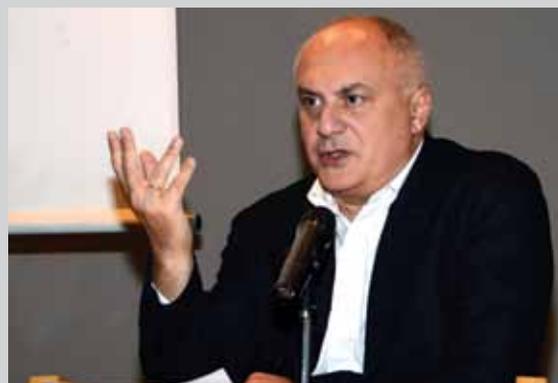
Эта статуэтка выставлена в обновленном Археологическом музее Вани, который снова открыл двери для ценителей настоящего искусства. Построенный рядом с руинами древнего города, он был основан в 1985 году известным археологом, профессором Отаром Лордкипанидзе. Богатейшая коллекция музея состоит из экспонатов, найденных на территории древнего Вани и его окрестностей. Начиная с VIII-VII веков до н.э., вплоть до I века до н.э. он был одним из главных

городов Колхиды – страны Золотого руна. Ванские археологические раскопки показали ученым всего мира, что мифическая Колхида существовала в реальности, и она была страной высокой цивилизации.

Обнаруженные в богатых захоронениях образцы колхидских золотых украшений являются жемчужиной экспозиции. Кроме того, посетитель получил возможность ознакомиться с информацией о знаниях, которыми владели древние колхи о добыче и обработке драгоценного металла. Как предполагают ученые, ванское золото добывалось в близлежащих реках тем же методом, каким сегодня его добывают в Сванети. Помимо изделий из золота, экспозиция изобилует предметами из бронзы, керамики, глины, скульптурами, деталями архитектуры. В музее впервые выставляются уникальные масляные лампы эллинистической эпохи, которые представляли собой инвентарь одного из храмов. Ученые назвали их «спрятанным кладом», т.к. в I веке нашей эры эти предметы в спешке бросили в яму и закопали, именно в таком виде, спустя почти две тысячи лет, инвентарь нашли археологи. Лампы с брон-

зовыми фигурами датируются III веком до н.э. и изображают одно из важнейших событий той эпохи – поход Александра Македонского в Индию.

Археологические раскопки в Вани начал основоположник грузинской археологии и хранитель национальной сокровищницы Эквтиме Такайшвили в 1896 году. В 1947 году в Институте истории, археологии и этнографии АН Грузии была организована научная археологическая ванская экспедиция, которую возглавила первая в стране женщина-археолог Нино Хоштария. С 1966 года под руководством Отара Лордкипанидзе в Вани и его окрестностях начались широкомасштабные раскопки и комплексное научное изучение памятника. С тех пор археологическая экспедиция работает там на постоянной основе. Как вспоминает одна из учениц Отара Лордкипанидзе Марине Пирцхалава, каждый сезон, проведенный под руководством профессора, был отмечен особыми открытиями. Происходило освоение всех трех террас древнего города, в результате кропотливого труда ученых, один за другим появились фрагменты монументальных сооружений: на нижней террасе обнаружена важная часть оборонительной системы – комплекс ворот (1966 г.) и храм-пропилеум (1971 г.). На центральной террасе – т.н. храм с мозаичным полом (1967 г.), круглый храм (1967 г.), молельня и 12-ступенчатый алтарь (1978 г.). На верхней террасе – деревянное строение и культовые комплексы (1973 г.), богатые захоронения. Отар Лордкипанидзе первым выделил исторические этапы развития древнего города и определил значение Вани как

Давид Лордкипанидзе

религиозного центра Колхидского царства.

ГОРА АХВЛЕДИАНИ

Лордкипанидзе возглавлял экспедицию более тридцати лет, поэтому его семья проводила летние месяцы в Вани, для его детей, будущих археологов Давида и Нино, это была большая школа жизни. По воспоминаниям Нино Лордкипанидзе, на экспедиционной базе, в комнате отца, висел портрет Эквтиме Такашвили, который был для Отара большим авторитетом. Такашвили был не

Отар Лордкипанидзе на раскопках

только незаурядной личностью, но и человеком с интуицией настоящего ученого, именно он предположил, что в Вани погребен античный город. Все началось с того, что в газете «Дрозба» от 28 мая 1881 года появилось известие о том, что в Вани, на горе Ахвледиаани местные жители после дождя часто находили предметы из золота, вода вымывала на поверхность земли то цепочку, то браслет и другие украшения, это послужило толчком к изучению местности. По словам Нино Лордкипанидзе, Вани очень интересное место, даже его название удивительным образом перекликается со значением данного города в истории Грузии, это действительно «саване» (груз. «обитель»), хотя в источниках оно именуется Сачино. Примечательно, что в последующие века гора Ахвледиаани не была заселена людьми, пока из Лечхуми в XVIII веке сюда не переселилось семейство Ахвледиаани.

По словам Давида Лордкипанидзе, историю города можно

Интерьер музея в Вани

разделить на несколько этапов: ранняя эпоха VIII-VII вв. до н. э., предполагают, что в этот период Колхида уже имела первые связи с государствами античного мира. С VI до IV века до н. э. он являлся одним из центров Колхиды, к этому времени относится всем известное захоронение колхидской знатной дамы и золотые изделия необычайной красоты, ныне выставленные в Музее Грузии им. Симона Джанашиа в Тбилиси. Затем следует переходный период, III-I вв до н.э., когда Вани стал главным храмовым городом Колхиды, здесь строились храмы, алтари и жертвенники. «Предметы культа – большая чаша, масляные лампы с изображением греческих мифологических персонажей открывают перед зрителем сакральный ритуал, который здесь часто проводили жрецы», – подчеркнул Лордкипанидзе. Существование античного города прекратилось в I веке до н.э., когда он был дважды подряд разрушен нашествиями врагов. Именно в этот период были уничтожены здания, детали которых ныне выставлены в музее: капители, базы, колонны.

Нино Лордкипанидзе отметила, что кроме захоронений античной эпохи найдены могилы более позднего времени: уже в римский период (II-III в.в. нашей эры) здесь все еще хоронили представителей местной элиты в дорогих саркофагах. Более того, неподалеку от древнего города в IX веке была построена церковь и здесь хоронили монахов в соответствии с христианскими погребальными традициями. «Какое-то особое притяжение было у этого святого места, раз люди не могли

оторваться от него», – отметила Лордкипанидзе. По ее словам, в отношении Вани часто употребляется слово «уникальный», и это действительно так – если в Грузии есть что-то особенное, оно обязательно сосредотачивается здесь, потому город и был как религиозным, так и политическим центром Колхиды, эти два аспекта жизни были тесно переплетены между собой. Наши предки колхи, жившие здесь, были великолепно осведомлены о событиях, происходящих в странах античной эпохи, хорошо знали греческую мифологию, но не слепо копировали философию эллинистического мира, а старались «подогнать» ее под свое мировосприятие, сохраняя собственную идентичность.

КЛАДЕЗЬ ЗНАНИЙ

Вани был не только храмовым центром царства, но и очагом знаний в разных областях науки. По словам Нино Лордкипанидзе, о знаниях, которыми обладали древние колхи можно судить по одному из артефактов, найденных в городе. На протяжении многих лет археологи считали этот предмет курильницей: круглая железная посуда с крышкой в форме треугольника с отверстиями была обнаружена рядом с известной скульптурой богини Нике. Однако работающий в Национальном музее Грузии признанный специалист перегородчатой эмали и опытный золотаватель Эрмине Маградзе определил этот предмет как универсальный прибор, используемый в ювелирном деле, и экспериментом доказал свою правоту. Он сделал точную

Ожерелье с черепахами. Золото

копию данного прибора и с его помощью изготовил несколько артефактов, ранее найденных археологами, в том числе знаменитую триалетскую чашу. «Миф о Золотом руне в действительности является мифом о передаче накопленных знаний, равно как и миф о Прометее. Это не просто овен с золотым руном, и не миф, полный только лишь сказочными элементами. Сами греки говорили, что это была книга, написанная золотыми буквами на овечьей шкуре – вот такое рационалистическое объяснение. В ней содержались сведения о добыче золота, и знания о технологии обработки металла», – отметила Лордкипанидзе. По ее словам, без этих знаний невозможно было создавать такое количество золотых изделий. Открытия последних лет показали, что колхи виртуозно владели методом обработки бронзы, археолог также нашел остатки мастерской, где работали ювелиры. Исходя из научных исследований, можно говорить о том, что древние колхи обладали большими духовными и практическими знаниями.

АНТИЧНЫЙ ПАЦИЕНТ

Давид Лордкипанидзе участвовал в Ванской экспедиции с детства, впервые он попал на раскопки в шестилетнем возрасте и сохранил в памяти много интересных историй, связанных с процессом работы археологов. Мальчик горел желанием лично принять участие в раскопках, «прикоснуться» к великим откры-

тиям, но из-за юного возраста не имел на это право. Он вспомнил один забавный эпизод из своего отрочества. «Приехал я в Вани к отцу в гости, и вдруг слышу голос: «Где больной?» Вижу, стоит машина скорой помощи, дико испугался. Выяснилось, что машина предназначалась для «пациента», которым оказалась скульптура античной эпохи, для ее транспортировки нужны были носилки, а они в Вани были только у «скорой помощи», поэтому и вызвали медиков», – отметил Лордкипанидзе. По его словам, когда он вошел в обновленный музей, снова увидел многие предметы, находку которых очень хорошо помнит, для него посещение экспозиции стало возвращением в детство.

Еще одно воспоминание Марине Пирцхалава: работать в экспедиции рядом с Отаром Лордкипанидзе было сплошным праздником, он учил студентов умению видеть предмет и «добывать» из него максимум информации. Ученый не был суеверным, но верил в знамения: искренне верил, что внезапно поднявшийся сильный ветер – предвестник большого открытия, и правда, ветер почти всегда сопровождал уникальным находкам Вани. Лордкипанидзе любил повторять: «Я не эмоциональный»... Но, когда дело касалось археологии, он становился настолько эмоциональным, что мог совсем оторваться от реальности. Иллюстрацией этому можно привести случай, имевший место в 1985 году: найдена бронзовая доска с надписью, Отар уехал в Тбилиси по срочному делу. Сотрудники должны сообщить ему о находке. Тогда не было мобильных телефонов и междугородных «маршруток», единственной связью со столицей служили почта в Вани и потийский поезд, выезжавший из Самтредиа в десять часов вечера. С большим трудом сообщили новость, уже двенадцатый час ночи, потийский поезд давно выехал из Самтредиа. «На экспедиционной кухне сидим у старенького, выдавшего виды телефона, и по очереди рассказываем ему о деталях находки. А Отар требует тут же упаковать доску и срочно везти ее в Тбилиси, чтобы почистить и обработать

экспонат в лаборатории. Говорит, что на вокзале встретит приехавших. Трубка телефона переходит из рук в руки, никто из участников экспедиции не осмеливается сказать ему, что этой ночью невозможно доставить доску в Тбилиси. И в это время звучит голос: «Дайте мне трубку!» Двдцатидвухлетний Дато Лордкипанидзе берет трубку и говорит: «Папа, у тебя часы есть?» Эти несколько слов спасли нас, а Отар опустил ся на землю», – отметила Пирцхалава.

ОЖЕРЕЛЬЕ ЗОЛОТОЙ ЧЕРЕПАХИ

Рассматривая шедевры древних мастеров, понимаешь, почему писатели античной эпохи украшали Колхиду эпитетом «златообильный», ставя ее в один ряд с городами – государствами, богатыми золотом – Вавилоном, Микенами и Сардами. Расскажем лишь о некоторых экспонатах выставки. Захоронение знатной колхидской дамы было найдено в 1969 году, открытие сделано в последние дни полевого сезона. В процессе раскопок археологи нашли шурф (вертикальная горная выработка небольшой глубины, используемая для поднятия материалов, спуска и подъема людей и т.д.), это навело ученых на мысль, что захоронение было ограблено. Однако после вскрытия могилы были обнаружены тысячи золотых изделий, среди которых особое место занимает ожерелье с подвесками в форме черепахи, датированное V веком до н.э. «Мы видим много подвесок малого размера и одну большую, центральную. Их грануляция, филигранная работа свидетельствует об особом мастерстве златоделателей. Это украшение является уникальным именно из-за фигур черепах, т.к. изображение черепахи не обнаружено ни на одном из образцов античного златоделания», – подчеркнул Лордкипанидзе. По его словам, можно предположить, что изделие изготовлено в Колхиде потому, что эта черепаха была широко распространена на данной территории. На местное происхождение предмета также указывает стилистическое единство, которое связано с другими

образцами колхидской школы златоаянния.

Широко известна золотая диадема из захоронения N11, также принадлежащего колхидской знатной даме, датируется серединой V века до н.э. Типичная колхидская диадема, состоящая из крученого стебля и пластин ромбической формы. На одной пластине изображена битва львов с туром, на другой – борьба львов с быком, на каждой пластине изображение повторяется два раза.

Масляная лампа с шестью фитилями и изображением трех голов слона, Диониса, Ариадны и Геракла, а также курильницы со скульптурными изображениями головы слона, являются частью вышеупомянутого «спрятанного клада», они датированы III веком до н.э. По словам ученых, аналогов этих экспонатов нигде в мире нет.

Великолепно сохранилась бронзовая плита с греческой надписью религиозного содержания, буквы отчетливо видны, слова можно свободно прочесть невооруженным глазом. В тексте упомянуты названия божеств: «Ге» – земля, «Гелиос» – солнце и «Меис» – луна. Плита найдена в радиусе 12-ступенчатого алтаря, датируется III веком до н.э.

МУЗЕЙ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ

После десятилетней работы команды Национального музея, перед посетителями предстал

Пан

Экспонаты музея

полностью обновленный археологический музей. Реконструкция осуществлена правительством Грузии при поддержке Всемирного банка. Архитектурный проект здания и дизайн выставки разработан в результате сотрудничества Национального музея Грузии, немецкой компании «Ellis Williams Architects» и сценографа Лины Лопес. Современная инфраструктура дала возможность оборудовать по последнему слову техники фонды, научные лаборатории, аудиторию, библиотеку-медиаотеку, и общественные пространства (кафе, музейный магазин, открытые веранды). Новый музей смело можно назвать культурно-просветительским центром XXI века, где соединены здание и инфраструктура европейских стандартов, вкус античного средиземноморья и грузинский дух. Музей является примером того, что в Грузии можно создать институцию на основе международных стандартов. По словам руководителя центра реставрации-консервации Национального музея Грузии Нино Каландадзе, XXI век стал значительным периодом для Ванского музея и города в целом. За два десятилетия произошли важнейшие археологические открытия (в 2003, 2004, 2007 годах), были организованы международные выставки, имевшие большой успех как в научных кругах, так и среди зрителей. Венцом данного «победного шествия» стала реабилитация музея. Конечно, музей

это прежде всего коллекция, артефакты, но за ними стоят современные лаборатории, имеющие огромное значение для научных исследований. Например, один из серебряных поясов, представленный на выставке, был обнаружен в Вани в 2004 году, в хорошо знакомом ученым захоронении N24. Это очень богатое захоронение, где было найдено до 500 золотых предметов, до 17 тысяч цветных камней. «Я участвовала в раскопках в качестве реставратора. Когда этот пояс обнаружили, он был настолько покрыт ржавчиной, что абсолютно невозможно было понять с каким металлом мы имели дело. После извлечения предмета из депозита мы отнесли его в Ванский музей, затем транспортировали в реставрационную лабораторию столичного музея, и для дальнейших исследований и консервации направили в галерею Артура Саклера Смитсоновского художественного музея в Вашингтоне», – отметила Каландадзе. По ее словам, сегодня лаборатория музея полностью оснащена в соответствии с требованиями XXI века, аппаратура позволяет не только в здании, но и непосредственно в поле во время раскопок определять химический состав изделия. Теперь в Вани могут приезжать ученые из разных стран и проводить такие же исследования, которые еще в недалеком прошлом грузинские археологи проводили за океаном.

ГЕОРГИЙ ГАГНИДЗЕ: 25 ЛЕТ НА МИРОВОЙ ОПЕРНОЙ СЦЕНЕ

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Зрителей и слушателей, отлученных от театральных и концертных залов в период пандемии, неожиданно пригласили на выступление мировой звезды оперной сцены – знаменитого баритона Георгия Гагнидзе. Оно проходило в Большом зале Тбилисской государственной консерватории в формате онлайн, и мощный, густой, богатый обертонами голос Гагнидзе наполнил каждый дом не только на родине артиста, но и во всем мире. Фейсбук дал эту уникальную возможность всем, кто пожелал насладиться пением выдающегося грузинского вокалиста, исполнившего популярные неаполитанские песни – произведения итальянских композиторов Франческо Паоло Тости, Станислао Гастальдона, Луиджи Денца, Эрнесто де Куртиса, Сальваторе Кардилло. Концерт был посвя-

щен важнейшей для Гагнидзе дате – 25 лет на мировой оперной сцене! За роялем была неизменный концертмейстер артиста – Виктория Чаплинская. Незримая нить взаимопонимания связывала этих двух талантливых людей. Вел вечер Ника Цулукидзе, рассказавший об огромных успехах Георгия Гагнидзе на оперных подмостках.

– Георгий, каково было выступать в режиме онлайн – без живого дыхания зала?

– Сложно. Чувствовал себя киноактером, который работает на камеру. Но с другой стороны, приятно, что многие получили возможность послушать меня онлайн. У нас, артистов, профессия такая: мы создаем эмоции вместе со зрителями, при их участии. А когда из зала идет холод, чувства выражать не просто. И все-таки я рад, что наконец вы-

ступил в Тбилиси перед соотечественниками. Ведь у меня все выступления за рубежом расписаны до 2023-2024 года, и перед родной публикой приходится выступать реже, чем мне бы этого хотелось. А сейчас меня слушали не только грузинские любители музыки, но и меломаны со всего мира. Так что я доволен, что концерт «25 лет на мировой сцене» все-таки состоялся – даже в такой непривычной форме!

– Георгий, напомните, пожалуйста, читателям «РК», как начиналась ваша вокальная карьера.

– Мне было 25 лет, когда я стал выступать на тбилисской оперной сцене. Тогда моим педагогом был ныне покойный Тамаз Лаперашвили, а постоянным и незаменимым концертмейстером – Виктория Чаплинская. Вместе мы трудились, творили, совершенствовались, и я исполнил уже семь больших партий, когда принял решение уехать из Тбилиси. В моем репертуаре к тому времени были произведения грузинских, итальянских, русских композиторов.

Когда в 2001 году я выиграл в Санкт-Петербурге конкурс молодых оперных певцов Елены Образцовой и получил премию, у меня зародилась мысль – отправиться на эти деньги за границу и там попытаться счастья. Артистам ведь всегда сложно, заработки здесь были неважные. А у меня уже была семья, родилась дочь Мариам. Так что мной руководили не только карьерные соображения. Мы с женой подумали и решили, что нужно попробовать, рискнуть, тем более, что мои возможности высоко оценивали такие авторитеты в мире музыки, как Джансуг Кахидзе, Зураб Анджапаридзе.

– А вы сами осознавали, что у вас большой потенциал?

– Пока я был молодой, то не вполне отдавал себе в этом отчет. Хотя и чувствовал. Но одно дело – чувствовать самому и совсем другое – слышать это от таких профессионалов, как Джансуг Кахидзе и Зураб Анджапаридзе. Так, батона Зураб говорил мне: «Если уедешь, не вернешься – у тебя такой талант!» И в 2002 году я отправился в Германию. Был

приглашен на международный конкурс, который проходил во Франкфурте, на прослушивание. Тогда я не имел опыта работы за рубежом, но очень быстро освоился.

– Возникли какие-нибудь сложности адаптации в новой среде, тем более – в новой оперной среде?

– Поначалу мешал языковой барьер. Я немного понимал английский, а немецкий не знал совсем. Хотя для работы в немецком театре ты должен знать именно немецкий. Потому что режиссер общается со всеми участниками творческого процесса на немецком. Конечно, есть режиссеры, говорящие на английском, но больше таких, кто предпочитает немецкий. Тем более, что режиссер не может с другими общаться на немецком и только с тобой – на английском. Все должны понимать концепцию. Тем более что не все немцы понимают английский достаточно хорошо, на таком уровне, чтобы можно было проводить репетиции нормально, без проблем. И я начал изучать немецкий. Устроился в небольшом городе Оснабрюке. Я это все рассказываю для того, чтобы всем стало ясно: мой путь был не так прост и успех пришел далеко не сразу. Говорю прежде всего для молодых: как говорится, без труда не выловишь и рыбку из пруда. Даже если у тебя талант. Чтобы убедить окружающих в своем таланте, приходится приложить немало усилий. В нашем деле нужны профессионалы, а таких, кто сразу разгадает твою индивидуальность, не так уж много. Тут должны быть профессионалы высшего порядка! Иногда приходят режиссеры что-то ставить и даже музыку не понимают. Как таким объяснить, что ты большой талант? Поэтому мне приходилось много трудиться и проявлять свои возможности. В итоге меня пригласили в престижный Веймарский национальный театр. Много работал с Веймарской штатс-капеллой. В Германии пробыл пять-шесть лет, получил немецкий паспорт, возможность свободного въезда в европейские страны.

– А когда произошел настоящий рывок в вашей карьере?

– В 2005 году в итальянском городе Буссето, где проводился международный конкурс вокалистов «Вердиевские голоса». Там я завоевал Гран-при. На конкурсе были мировые оперные звезды Хосе Каррерас и Катя Ричарелли, и они сразу же меня заметили. Потому я и говорю, что режиссер может и не обратиться на тебя внимание, а вот звезды – совсем другое дело... Каррерас, прослушав только одну арию из «Бал-маскарада», подошел ко мне и выразил свое впечатление, сказал, что в восторге, и пожелал удачи во втором туре. Хотя это было нарушением канонов – к конкурсантам не принято подходить и что-то говорить. Я был окрылен! На втором туре Каррерас попросил меня исполнить арию Риголетто. По правилам для первого тура арию выбирает сам участник, а на втором выбор осуществляет комиссия – из твоего репертуара. И мне пришлось исполнить сложнейшую арию Риголетто. В Веймаре я уже спел эту партию в спектакле. При наличии такого опыта выступление вокалиста бывает, как правило, более осмысленным. Голос я сравниваю с камнем, минералом, который еще не обработан. Все знают, что самый большой труд и искусство – правильно обработать этот камень. К тому времени этот процесс обработки я уже прошел.

– Это, естественно, во многом зависит от педагога.

– Конечно, педагог выбирает правильную линию технической

обработки голоса. Первым моим педагогом был Дизи Хелашвили, с ним мы много и упорно работали. Второй – Тамаз Лаперашвили, которого я уже упоминал. Хочу еще вспомнить самого первого моего учителя по вокалу Джони Саралидзе, он был у меня после окончания десятилетки... Но именно Тамаз Лаперашвили завершил огранку моего голоса.

Вернемся к конкурсу «Вердиевские голоса». После исполнения арии Риголетто был полный триумф! «Ты повторишь ее в финале!» – сказал мне Хосе Каррерас. Помню, как ко мне подошел старичок-журналист, меломан, слышавший всех лучших певцов, и сказал: «Когда ты пел, памятник Джузеппе Верди повернулся и поинтересовался, кто это исполняет его произведение?» У итальянцев особое чувство юмора – как у грузин. Это означало, что я понравился не только комиссии, но и тем, кто сидел в зале.

– Вы пока единственный певец из Грузии, завоевавший на этом конкурсе Гран-при.

– Но самым лучшим призом были для меня слова Хосе Каррераса: «Он не только рожден для партии Риголетто, он сам – Риголетто». Меня ожидала большая удача: я познакомился с известным композитором и дирижером Лорином Маазелем, тогдашним руководителем Нью-Йоркского филармонического оркестра. Сразу позвали в Японию, Испанию. Получил приглашение из Ла Скала – в 2007 году выступил вместе с Лорином Маазелем в

«Риголетто»

опере «Травиата». За этим последовало концертное турне в Avery Fisher Hall под руководством того же Лорина Маазеля – выступил в роли Скарпиа в опере «Тоска». В 2008 году на Вердиевском фестивале в Парме я снова вышел на сцену в партии Риголетто...

– 17 сентября 2009 года вы с огромным успехом исполнили партию Скарпиа на открытии сезона в Метрополитен-опера. Это событие транслировалось в прямом эфире на 56 стран. А также на большом экране нью-йоркского Таймс-сквер – площади в центральной части Манхэттена, расположенной на пересечении Бродвея и Седьмой авеню в промежутке между 42-й и 47-й улицами. Это одно из наиболее популярных и часто посещаемых мест в Нью-Йорке. Как вы попали в Метрополитен-опера?

– Генеральный менеджер Питер Гелб прослушал меня и в тот же год я выступил в «Тоске». Режиссером был знаменитый Люк Бонди, а дирижером – Джеймс Ливайн. Ливайн – моя икона, он значит для меня так же много, как и Лорин Маазель. Он долгое время был художественным руководителем и главным дирижером Метрополитен-опера. На первой же репетиции Ливайн

«Тоска»

меня остановил со словами: «Excellent Georgian! В Метрополитен-опера всегда звучат прекрасные голоса, но у вас такой голос и техника, что я это не могу не отметить особо! Редко можно услышать, чтобы баритон с таким блеском использовался во всех регистрах, чтобы это было так органично, с разнообразными оттенками звучания, с вокальной культурой. Конечно, это ваша природа, но еще и школа. Где вы учились?» – поинтересовался Ливайн. «Только в Тбилиси!» – «В Тбилиси? Слышал, но ничего не знаю. Можете рассказать о Тбилиси?» Для меня это был самый большой комплимент.

– Так что главное – природа, техническая огранка?

– Хорошая техника защищает и развивает твою природу, а не портит ее. Потому я и выделяю своих педагогов Тамаза Лапешвили, Дизи Хелашвили, что они шли вместе с моим голосом. Вместе с его природой, а не против нее. Настоящий педагог не должен мешать развитию природного дара. Наоборот, обязан помогать, идти в одном направлении. Успех в Метрополитен-опера был для меня огромным счастьем, ведь на его сцене выступали самые блестящие баритоны мира! И вдруг появляешься ты, молодой человек из Грузии, и становишься в один ряд с этими выдающимися вокалистами.

– Ливайн сравнил вас со звездами первой величины, а Каррерас назвал лучшим Риголетто в мире.

– Каррерас говорил: «Ты так входишь в эту роль и передаешь внутреннее состояние своего героя, что я уже и не понимаю: ты играешь или сам – Риголетто?!».

– Часто подчеркивают ваши актерские способности – помимо вокала. Вы этому специально учились?

– Мои актерские способности имеют корни. Я родился и вырос на проспекте Агмашенебели, бывшей улице Плеханова, рядом с театрами. Театр миниатюр, театр Марджанишвили, театры киноактера, мюзикомедии. С прекрасными актерами. Каждые субботу и воскресенье папа нас с сестрой водил в театр. Мы не

пропускали ни одной важной премьеры. Культурная жизнь в Тбилиси была очень богатой, и с малых лет мы находились в ее гуще. Так что я уже в 13 лет влюбился в театр и посещал кружок в Доме культуры железнодорожников, выступал на его сцене. Моим педагогом был Шота Кикнадзе. Я очень это любил, но относился к своему увлечению театром как к хобби, никогда не предполагал, что это станет моей профессией. А хотел я сначала стать юристом... И вот спустя годы мой юношеский опыт помог мне сориентироваться, когда я вышел на оперную сцену. Сам факт, что я вырос в театральной атмосфере, очень важен. Горжусь, что я плехановский! Проспект Плеханова тогда действительно был культурным центром, и это все знают.

– Не осталось практически ни одной знаменитой сцены, где бы вы не выступали. Это лучшие площадки мира – Метрополитен-опера, Опера Сан-Франциско, Вашингтонская опера, Парижская опера, Королевский театр в Мадриде, Gran Teatre del Liceu в Барселоне, Бастилия, Венская государственная опера, The Hamburg State Opera, Deutsche Staatsoper Unter den Linden... Только в Метрополитен-опера вы выходили на сцену в более, чем 100 спектаклях. И всюду – триумф! На родине также высоко оценили ваши успехи.

– Я очень рад, что стал послом грузинской культуры на мировых сценах – эту награду я получил от Театрального общества Грузии, возглавляемого Георгием Гегечкори. Я был избран почетным членом-академиком Академии театра, кино и наук имени Гиги Лордкипанидзе. Спасибо всем, спасибо моему народу.

– Вы входите в число лучших исполнителей сложнейшей партии Яго из оперы «Отелло». Как шла работа над этим образом?

– Яго – очень сложная фигура. Когда Верди написал оперу на этот шекспировский сюжет, то хотел назвать ее «Яго». Это факт! Композитор обсуждал такую возможность с автором либретто Арриго Бойто. Подобных примеров немало – существует целый ряд

переименованных опер Верди. Так, в основе «Луизы Миллер» – пьеса Шиллера «Коварство и любовь», в основе «Травиаты» – «Дама с камелиями» Дюма-сына. И Верди подумал: почему бы и нет? Ведь именно Яго закрутил всю интригу. Не было бы его – не было бы и трагедии. Яго – злодей, но он не родился таким. Его таким сделали. Это, конечно, не оправдание, но объяснение того, почему он стал негодяем. Сам герой таким образом пытается себя оправдать. Осознавая это, я лучше вхожу в роль. Потому что опираюсь на представление Яго о самом себе. Я хочу перевоплотиться, и мне нужно все знать о своем персонаже. Если этого не будет, я не смогу передать его суть, то, как он мыслит, ведет себя, как он двигается... Можно понять, почему Верди хотел назвать свою оперу «Яго», если рассмотреть фотографию самого первого исполнителя этой партии. Речь идет о французском баритоне Викторе Мореле, который внешне вовсе не был похож на дьявола. Наоборот – у певца обаятельное, приятное лицо, вызывающее доверие. Вот здесь и вся суть. Многие удивляются: как мог Отелло поверить Яго? Все вполне объяснимо. Отелло обращается к своему хорошо завуалированному врагу со словами: «Порядочный, честный Яго!» Как это может быть, если у Яго репутация плохого человека? В том то и дело, что он всегда так себя и вел – честно и порядочно. Яго говорит о себе: я выигрывал большие сражения, всегда был самым открытым с Отелло, поступал благородно. А он меня не оценил, не выделил, не повысил, не назначил на пост, который в итоге занял Кассио. Все дело в том, что Кассио способствовал развитию отношений между Отелло и Дездемоной, был посредником в их любви. И был поощрен не за военные заслуги, а за посредничество. Явные заслуги были у Яго, и он должен был быть вознагражден, но произошло по-другому. Как это и в жизни часто происходит – могут избрать президентом или премьер-министром человека, не имеющего опыта и знаний. И в душе Яго происходит взрыв: как же так? Я же честный, благородный человек, а со мной так несправедливо по-

ступают. И это стало фактором, толкнувшим его на неблагоприятные поступки. При этом Яго тогда даже не задумывался, к чему приведут его действия. И он, как паук, сплел свою паутину интриги, в которую попадает Отелло. Так что неудивительно желание Верди назвать свою оперу «Яго». Хотя в итоге осталось прежнее название. Потому что слишком уж знаменитой была шекспировская трагедия. К тому же история венецианского мавра гораздо трагичнее переживаний Яго. Погибает Дездемона, Отелло кончает жизнь самоубийством... Мне было очень интересно работать над этим материалом.

– А какая партия ваша любимая?

– Риголетто. Это тоже человек с глубокой душевной болью. Образ Риголетто, циничного шута и любящего отца, близок мне своим трагизмом. Потеряв единственную дочь Джильду, он унижен, уничтожен. Эту эмоцию нужно уметь передать, пережить вместе со своим героем. Французский писатель-романтик Виктор Гюго, автор пьесы «Король забавляется», которая лежит в основе этой оперы Верди, не пришел на премьеру, считая, что композитор исказил его замысел. Ведь в пьесе герой – король Франции Франциск I, а в либретто – некий итальянский герцог. Причина – в цензуре. Творение Гюго было запрещено и снято со сцены. Не хотели, чтобы царственная особа была выведена в неприглядном виде соблазителя. Это было недопустимо. И действие в опере было перенесено из Франции в Италию. Шут Риголетто смеется над всем, а в итоге сам становится объектом жестокого осмеяния и переживает жизненную катастрофу. Его история поразила меня до глубины души. И на каждом спектакле я переживаю эту трагедию вновь, чувствую каждый вдох и выдох своего Риголетто.

– Вы с ним сроднились.

– Да. Именно в партии Риголетто я дебютировал в Метрополитен-опера и имел огромный успех. Причем я вышел на сцену в форс-мажорных обстоятельствах, подготовился буквально за пять дней. Потому что заболел

На виртуальном концерте.
За роялем В. Чаплинская

баритон, и мне пришлось срочно его заменить. Но оперу я знал. Впервые репетировал на огромной сцене Метрополитен-опера. Это был невероятный стресс для меня! Но... я справился и в дальнейшем стал любимым и желанным гостем для этого театра и его публики.

– Георгий, вы достигли всего, но что завтра? Как оставаться на этой высоте?

– Мне 50. Я много работаю, помогаю другим, провожу мастер-классы – и на родине, и за ее пределами. Для меня очень важно работать с молодыми вокалистами и здесь, в Грузии, и в Европе, и в США. Делиться своим опытом мне доставляет огромное удовольствие. Конечно, я буду продолжать и мою вокальную карьеру. В Тбилиси открылась Международная академия классической музыки имени Ренато Тебальди и Марио дель Монако. Меня приглашают проводить там мастер-классы. Так что работы много. Но нужно уметь распределяться между выступлениями и педагогикой. Есть еще одна важная сторона моей жизни – дочь Мариам. Она тоже поет, обладает голосом красивого тембра. Меня радует, что Мариам выбрала путь оперного пения. Ее педагог – Гоча Бежухаши. Буду помогать дочери всем, чем смогу.

НОВОГОДНИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ В ГРУЗИИ

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Единодушно любимый и самый сказочный из всех. Он вне границ, проблем и расстояний. Праздник, который нас объединяет своим обновлением и надеждой. Он дает нам возможность оглянуться в детство, вновь почувствовать волнение и поверить в чудо. Новый год уже в пути. Он готов вместе с последним листком календаря отбросить наши печали и горести, трудности и неудачи такого тяжелого изоляционного 2020 года. И сохранить лучшее, что есть у нас.

Для меня, переехавшей в южную страну, было необычно и странно отсутствие декабрьского снега. Новый год в России – целая система впечатлений. Это и суровые стройные елки, с огромными сугробами на мохнатых лапах, это лыжные

дорожки в лесу, запах мандаринов с мороза, разгуливающие по улицам Деда Морозы в алых кафтанах до полу и опирающиеся в силу возраста на посох, это Снегурочка, да и много чего еще. Здесь иначе. И многое в новинку. Сегодня я собрала новогодние впечатления девушек, когда-то сделавших выбор в пользу этой теплой страны, где архаика невероятным образом сочетается с современным. У моих героинь разные истории, судьбы, но все мы схожи в одном: мы принимаем и уважаем традиции Грузии.

Ольга Бешия, Москва-Тбилиси: 10 января будет ровно два года, как я переехала в эту замечательную страну. 2019 год я встретила в Москве, и приехала сюда уже после новогодних праздников, но застала потрясающее украшение улиц Тбилиси.

Я была впечатлена, несмотря на то, что приехала из Москвы, где декорации – это нечто фантастическое. Думаю, что не всякий город может сравниться с Москвой, но Тбилиси не был в проигрыше. 2020 год я уже отмечала в кругу своей грузинской семьи. Что меня впечатлило? Прежде всего то, что Новый

Ольга Бешия

год – это семейный праздник и грузины стараются его отметить в кругу семьи. В Москве эта традиция постепенно уходит. Очень интересный момент относительно подарков. Я удивилась, что здесь, в Грузии, не принято делать новогодние подарки взрослым. Как правило, подарки – только детям. В России же подарки дарят всем, и это какой-то круговорот подарков. Здесь этого нет, и, наверное, это хорошо, учитывая последние тенденции: минимализм и заботу об экологии. Мне это очень понравилось. Что касается стола: обязательный атрибут новогоднего грузинского стола – жареный поросенок с ткемали, а также голинаки и сациви из индейки. И еще такой интересный обычай: после двенадцати часов все начинают ходить друг другу в гости. Первого человека, кото-

Вероника Джеранашвили

рый зашел в дом в новом году, называют «меквле». И какой это человек, таким и будет весь год. Меквле приносит сладости и пожелания сладкой жизни. А хозяйка дома угощают меквле в ответ и приговаривают: «Вот так сладко состарься!» Сладость тут – это вообще какое-то ключевое понятие наступающего года. А самый богатый стол – это новогодний стол.

Вероника Джеранашвили, Томск-Тбилиси: Я приехала сюда семь лет назад из Сибири. Конечно, почувствовала очень

Ольга Малышева-Купатадзе

большую разницу и в климате, и в традициях. Хотя много есть и общего. Мне очень нравится, что здесь Рождество – любимый праздник, его отмечают со всей душой. Мы переехали сюда осенью, а вскоре, в декабре, я увидела на рынке интересные поделки. И все думала: что ж это такое? Оказалось, это чичилаки – главный новогодний символ, сделанный из орешника. Бывают они совсем маленькие, а бывают и больше метра. Конечно, я тогда не удержалась, купила, и мы поставили ее у себя дома. Моя знакомая грузинка, которая была для меня проводником в мир грузинской жизни, рассказала мне, что это деревце вбирает, впитывает в себя все отрицательно, все плохое. Ну и конечно, радует нас своим необычным видом. А потом его надо обязательно сжечь в период между Рождеством и Крещением. Это мне немного напомнило традиции нашей Масленицы, когда у нас сжигают чучело. А при сжигании чичилаки, оказывается, надо загадать желание, и оно обязательно сбудется. Мы так и сделали. Горит деревце чудесно, вспыхивает быстро. И про желания я верю: все непременно сбудется! Когда гуляешь по предновогоднему Тбилиси, эти чудесные чичилаки видишь во многих витринах магазинов. Особенно

мне нравится, как украшают этими грузинскими символами нового года и Рождества театр Габриадзе. И у меня теперь тоже вошло в традицию: я каждый год покупаю пушистую елку и сама ее украшаю. Также на новогоднем столе, конечно, у меня будут и чурчхелы, и голинаки, и сушеные корольки – все это создает особую национальную атмосферу празднику.

Ольга Малышева-Купатадзе, Волгоград-Кахети: В Кахети, в сельской местности, где мы живем, перед новым годом все соседи начинают резать свиней. И все ходят друг к другу, помогают. И как водится, конечно, отмечают. В итоге от этой свиньи к самому празднику мало что остается. Зато все веселы и сыты! Сама новогодняя ночь тоже отличается. К подготовке первого Нового года здесь я подошла чисто по-русски. Написала список, закупила продукты. Семья у мужа огромная, я и подумала, что в Новый год придет очень много родственников. Я же была наслышана о грузинском гостеприимстве и широких застольях. И у меня тогда получилось только салатов «Селедка под шубой» десять тарелок. Наварила холодца, сделала оливье. И вот наступает Новый год, я жду гостей. И спрашиваю мужа и его родителей: «Когда

Ансамбль Munich Contemporary Music Group

ИГРЫ РАЗУМА ДЛЯ КВАРТЕТА

■ **Ирина ВЛАДИСЛАВСКАЯ**

«No pasaran!» – «Вирусы не пройдут, прорвемся сквозь панцирь отчуждения и достойно встретим канун Рождества!», – так, или примерно так, решили музыканты ансамбля современной музыки MCMG – Munich Contemporary Music Group – и провели концерт в прямой трансляции LifeStream (Лайфстрим). Выступление онлайн группы из Мюнхена было с энтузиазмом встречено поклонниками авангарда, в нашей стране концерт привлёк внимание по следующим причинам: в первую очередь, это – великолепный уровень мастерства исполнителей, а также то обстоятельство, что ансамбль хорошо знаком тбилисскому зрителю по неоднократному участию в фестивалях «Вечера современной музыки» в столице Грузии. Кроме того, в финальной части концерта к лайфстриму подключились молодые тбилисские музыканты. К сожалению, по техническим причинам не все получилось, как было задумано, в Мюнхене тбилисцев слышали, а они – немцев не

слышали, но все же, несмотря на каверзы интернета, баварцы подключились к импровизации грузинских парней. Программа, которая задумывалась, как звуковое воплощение настроений и образов большого города в период пандемии, получилась интернациональной, в композициях прозвучали голоса и звуки Мюнхена и Тбилиси. Пользуясь давней дружбой с членом группы MCMG Экой Купарадзе, корреспондент «Русского клуба» обратилась к ней с просьбой рассказать о кредо ансамбля, его участниках, контактах с Грузией. И вот, на связи – Мюнхен.

– Эка, привет! Рада слышать тебя. Позволь для начала кратко представить тебя нашим читателям.

Эка Купарадзе родилась и выросла в Тбилиси, окончила Тбилисскую консерваторию по классу фортепиано. Двенадцать лет назад вышла замуж и с тех пор живет в Мюнхене, занимается преподаванием музыки, выступает с сольными фортепианными концертами, с 2016 года является одним из основателей и членом ансамбля современной музыки MCMG, а также

соучредителем Общества развития современного искусства «Резонанс».

– Итак, ваш последний концерт. Он и порадовал, и рассмешил – чихание и судорожный кашель вклиниваются в музыкальную канву, оправдывая название «Коронверс»! Как вам пришла в голову такая идея?

– Куда же сегодня без короны?! Жизнь в масках, самоизоляция, все сыты страхами и запретами по горло. Вот и мы не удержались, немного похулиганили. Если целыми днями страдать из-за пандемии, то к добру это не приведет, надо сопротивляться, иронизировать, продолжать работать. За несколько недель до концерта наш композитор и контрабасист Георг Каргер записал композицию, вобравшую в себя наиболее характерные звуки города. Голоса Мюнхена составили полотно лайфстрима «Коронверса». Собранные вместе фрагменты создали оригинальную аудио пьесу, а члены ансамбля с помощью различных средств, в том числе технических, представили музыкальное воплощение разных образов и настроений.

– Актуальность тематики – одна из составляющих идей концепции вашего ансамбля.

– Да. Мы обращаемся к наиболее актуальным проблемам общества, придерживаясь железного правила – никогда не повторять тематику концертов. Наша группа постоянно находится в процессе поиска. Нам интересно выходить за рамки установленных границ – стилистических, звуковых, географических. Кредо группы – поиск новых звучаний и возможностей передачи как музыкального материала, так и самой идеи. Мы охотно смешиваем жанры и стили, а также отдельные виды искусства. Каждый наш концерт имеет радикально новую программу, объединенную общим подтекстом. Наши концерты больше всего соответствуют идее, заложенной в любом перформансе. Исходя из этого, мы обязательно приглашаем выступить вместе с нами хотя бы одного коллегу, представляющего

Юлия Варен. Фото Юдит Хоисслер

другой жанр: видео-артиста, художника, инсталлятора или драматического артиста.

– Пожалуйста, расскажи о членах ансамбля.

– В ансамбле не только исполнители, но и композиторы. Их двое – Кристоф Райзерер (Christoph Reiserer) и Георг Каргер (Georg Karger).

Они кардинально отличаются друг от друга. Кристоф Райзерер – звукоинженер, изобретатель, экспериментатор. Он использует в своих композициях интерактивное участие зрителей, расширяет с помощью компьютера живую музыку. По образованию он музыковед, педагог и философ. В ансамбле Крис играет на кларнете и саксофоне, этими инструментами он не только овладел самостоятельно, но также изобрел на механическом уровне их усовершенствования. С 1998 года Кристоф осуществляет свои проекты в жанре перформанс совместно с Немецким музеем (отмечу, что Deutsches Museum, расположенный в Мюнхене, самый крупный музей естествознания и техники в мире). Кри-

стоф Райзерер также написал несколько камерных опер, в основе которых лежат политические и социальные темы. Он неоднократно завоевывал призы и получал премии за лучшие проекты. Принимал участие в мультимедийных перформансах, создавал инсталляции в разных странах.

У всех других участников нашей команды, кроме Криса, есть классическое музыкальное образование. Контрабасист Георг Каргер, создающий инновационную музыку, – выпускник Мюнхенской консерватории. В начале карьеры он выступал с различными оркестрами, в том числе с Нюрнбергским симфоническим оркестром и ансамблем Баварской оперы. Затем он отошел от классики и стал участвовать во всевозможных ТВ-шоу, джем-сейшнах, записал множество программ в качестве басиста на CD. Сотрудничал с выдающимися музыкантами – с Ури Кейном, Виктором Ласло и многими другими знаменитостями. С 90-х Георг начал создавать собственные композиции, он пишет музыку к театральным постановкам, документальным фильмам. Его работы в этой области неоднократно получали призы ведущих немецких телеканалов, а художественный фильм, снятый в Боснии и Герцеговине, вошел в 2008 году в список номинантов на Оскар в категории «Лучший иностранный фильм».

Кроме всего прочего, Георг ведет активную педагогическую деятельность, и более десяти лет подряд организовывает чрезвычайно популярные «Bavarian Bass Camps» («Баварские лагеря басистов»). На них съезжаются как профессиональные контрабасисты, так и любители, а также студенты, молодежь со всех концов Германии и Европы. Маэстро Георг Каргер в непринужденной обстановке проводит мастер-классы, разучивает с музыкантами композиции, музицирует. Эти фестивали получают фантастические отзывы!

Наша флейтистка Карина Эрхард (Karina Erhard) – уникальный профессионал. В дуэте с Георгом она успешно выступала на престижном Генделевском

фестивале в Геттингене. Классическое образование Карина получила в Амстердаме и Утрехте, обладательница приза «Гаудеамус» за импровизацию. Виртуозно владеет всеми видами флейты и саксофоном. После того, как Карина увлеклась авангардом и перформансами, она освоила технику расщепления звука, на что ушло несколько месяцев. Универсальные возможности флейтистки привлекают внимание современных композиторов. Специально для нее пишут композиторы в США, в Нидерландах и Германии. Работать с Кариной необыкновенно интересно, – продолжает свой рассказ о коллегах Эка Купарадзе, – в дуэте с Кариной в феврале 2020 года мы успели представить зрителям программу «За горизонтом», в которую вошли произведения баварских и нидерландских композиторов. Получили хорошие отзывы прессы.

– В недавнем лайфстриме участвовала актриса.

– На этот раз нашим приглашенным гостем стала знаменитость – Юлия Варен (Julia Wahren). У нее свой активный лейбл Art Sound + Drama. Ранее она с Кариной и Георгом сделала перформанс для Генделевского фестиваля, и приняла наше приглашение в знак дружбы с ними. Юлия работает на стыке жанров, она успешно проявила себя в качестве постановщика, звукорежиссера, журналиста и исполнителя. Она создает успешные интернациональные проекты, в которых участвуют артисты из самых разных стран, включая Японию. Юлия Варен успешно сотрудничает с несколькими театральными коллективами, ставила аудио-спектакли для Баварского радио.

– Эка, чтобы создать полную картину вашей «Dream Team» («Команды мечты»), следует рассказать и о твоём творческом пути.

– Без музыки и литературы я не могу представить своей семьи. Мои родители по образованию химики, но папа в молодости сильно увлекался джазом и прививал мне вкус к любимым исполнителям. В детстве меня

чаще водили на концерты и в музеи, чем в зоопарк. У меня было обычное детство ребенка из тбилисской интеллигентной семьи – плавание, английский, музыкальная школа номер 8. Благодаря нашей наставнице Этери Миташвили, в двенадцать лет мне довелось выступить с оркестром Грузинского радио и телевидения, посчастливилось побывать с гастролью в Прибалтике. Но, несмотря на эти успехи, я мечтала стать археологом, историком и лингвистом. Однако меня взяли в музыкальную школу для одаренных детей, и там я попала в руки заслуженного педагога Вероники Туманишвили. И поняла, что такое настоящая работа в отличие от любительского хобби. Мне пришлось заниматься по шесть-восемь часов в день – не только сидеть за инструментом, но и изучать историю музыки, теорию. Пришло понимание музыки как профессии. В Тбилисской консерватории я попала в класс Нино Катамадзе, лауреата различных конкурсов, в том числе, имени Маргерит Лонг и Жака Тибо в Париже. Под ее руководством я получила другой размах, поняла, что такое большие формы и масштаб. Нино приучала своих учеников к выносливости, без которой не осилить ноши огромной свободы мышления и багажа техники, научила выражать в искусстве свое собственное мнение – это особая черта Нино. К сожалению, в Тбилиси сложилась такая обстановка, что после успешного окончания консерватории мне несколько лет не удавалось применить свои знания. Заработать музыкой было нереально, я пробовала себя в разных профессиях, включая журналистику. К занятиям музыкой удалось вернуться уже в Германии, после того, как я вышла замуж и переехала с дочкой в Мюнхен. Первые годы жизни в Германии ушли на усиленное изучение немецкого языка. Я поставила целью выучить язык настолько хорошо, чтобы начать преподавать музыку. Постепенно все мои планы стали осуществляться. Несколько лет назад две мои ученицы успешно выступили на конкурсе в Турции, завоевали дипломы. Получила диплом и я как их преподаватель.

– **Словом, ассимиляция в новой среде закончилась благополучно.**

– За этим стоял большой труд, я занималась языком по шесть часов в день. А ведь надо было заниматься дочкой-школьницей, вести домашнее хозяйство. С мужем было полное взаимопонимание, Кристиан несколько лет работал в Прибалтике, в Белоруссии, он имел представление об образе жизни в нашей стране и всячески помогал мне освоиться. К счастью, у меня сложились теплые отношения с членами его большой семьи. Наверно, мне в какой-то степени помогли мои интернациональные корни. Папа мой – грузин, а предками мамы были немецкие переселенцы из Силезии. Они жили в немецкой слободе и породнились с русскими семьями. Мой дед, как мне рассказывала мама, в детстве даже не знал, что он – немец, по документам вся семья носила фамилию Блиновы, иначе бы во время войны их выслали, а позднее он не смог бы стать военным летчиком. Надеюсь, что настанет время, когда я смогу приехать в Россию, чтобы найти в архивах сведения о своих предках.

– **Чем занимаются члены твоей семьи?**

– Дочка и муж – музыканты-любители. Елена по профессии коммуникационный дизайнер, она увлекается фотографией и документальным кино – у нее есть все возможности, чтобы пробовать в этих направлениях свои силы. Супруг возглавляет небольшую фирму. В последние годы увлечен садоводством. Отпуск любит проводить под парусами на яхте, на которой я выполняю обязанности помощника капитана, юнги и кока.

– **Как ты оказалась в составе группы баварского авангарда?**

– Освоившись в Мюнхене, я стала готовить собственные программы и выступать с концертами, которые не остались незамеченными.

Постепенно обрастала связями и знакомствами в музыкальном сообществе. Мне всегда

нравилась современная музыка – Шостакович, Прокофьев, Щедрин, Чарльз Айвз, Пьер Булез. Современная музыка мне легко давалась. Хотя с листа ее не прочитаешь. Однако, если технически понимаешь то или иное место композиции, это дает свободу интерпретации. Сейчас уже даже не спорят, как играть Баха, Бетховена. А как их играли в прошлом, при их жизни? Этого никто не знает. Многое зависит от догм, вкусов, моды. У классика не спросишь, как ему нравится твоя интерпретация произведения. А работа с современниками дает уникальную возможность узнать, насколько автору понравилась твоя трактовка, соответствует ли она его замыслу. Это великий дар для музыканта играть современную музыку и получать оценки самого автора.

Было огромной удачей, что в Мюнхене я познакомилась с композиторами-новаторами, с музыкантами, постоянно пребывающими в поиске, что мы поняли друг друга, а потом создали свою группу. Для каждого из нас участие в проекте MCMG – отдушина. У каждого достаточно много другой работы. Скажем, Кристоф осуществляет проекты в общеобразовательных школах. Недавно он предложил уче-

Георг и Крис в тбилисском аэропорту

Крис, Карина, Георг и Эна

никам пятых-шестых классов написать сценарий и поставить по нему представление, а для звукового сопровождения спектакля Кристоф подключил роботов своей конструкции, которые играют на скрипке, на саксофоне, издают звуки и шумы. Перед спектаклем зрителям показали фильм, как этот весь сказочный механизм работает, как роботы включаются в действие. Эффект был потрясающий! Диву даешься, как человек с чистой душой умудряется создавать подобные чудеса в переполненной негативом реальности.

– В ваших проектах было достаточно чудес и для взрослых. Замечательно, что вы продемонстрировали их не где-то, а в Тбилиси.

– Тбилиси сыграл для нашей группы особую роль – поскольку реальным поводом для создания первой программы послужило приглашение на фестиваль современной музыки в Тбилиси. Именно это вдохновило нас придать нашей творческой дружбе профессиональное направление, определило название группы из аббревиатуры MCMG – Munich Contemporary

Music Group. Наше первое выступление состояло из произведений современных композиторов. С нами приехал известный композитор Михаэль Эмануэль Бауэр (Michael Emanuel Bauer), музыку которого мы исполняли наряду с композициями Кристофа Райзерера и Дмитрия Романова. В Тбилиси концерт вызвал определенный интерес, поэтому в следующем, 2018 году, мы рискнули показать на фестивале экспериментальную программу. Во время выступления в консерватории мы представили инновацию со штрих-кодами. В жизни каждый из нас ежедневно сталкивается с тем, что на кассе в магазинах сканируют приобретенные товары, маркированные штрих-кодами. Но мы не обращаем внимания, что компьютер реагирует на комбинацию цифр кода и издает звуковые сигналы. Вот эти самые сигналы мы включили в нашу композицию. Перед нами на планшетах были ноты, а на большом экране выводились звуки штрих-кодов всевозможных упаковок макаронных изделий, банок с зеленым горошком, коробок конфет и прочих товаров, которые мы принесли

в студию. Каждая цифровая комбинация издавала свой сигнал, изменяющий ритм и фон нашего исполнения. Смыслом эксперимента было показать, как техника влияет на живую музыку. Конечно, в этом опыте было много иронии. Юмор присутствует в наших композициях, но это не означает, что мы стремимся устроить клоунаду. Нам достаточно понимающей улыбки зрителя.

В нашем проекте «MulTiflisCITY», был задействован молодой радикальный артист и композитор Анри Гудушаури, ученик преподавателя и композитора Маки Вирсаладзе.

В Мюнхене мы повторили концертную программу, показанную в Тбилиси, с маленькими отличиями – было исполнено новое произведение Маки Вирсаладзе и Анри Гудушаури, специально написанные для нашего ансамбля.

В рамках фестиваля в Тбилиси члены ансамбля дали мастер-классы, которые были открыты для всех желающих. Во время наших последних гастролей мы были приглашены в Гурджаани, где познакомились в музыкальной школе с потрясающими пе-

дагогами и их воспитанниками. Особенно сильное впечатление произвел на нас фольклорный хор мальчиков города Гурджани. Мы даже решили сделать с ними совместный проект, интегрировать грузинский фольклор в современную музыку, комбинируя архаичное звучание голосов с инструментальной и компьютерной музыкой. К сожалению, пандемия сорвала наши планы, и все пришлось временно отменить. В Германии учатся на гранты многие талантливые молодые музыканты и артисты, мы хотели привлечь их к совместным немецко-грузинским проектам, но из-за короны всех студентов отозвали на родину.

– **Благодаря твоему лобби Грузия постоянно находится в поле внимания ансамбля.**

– Грузия и Тбилиси очаровали моих коллег. Слава Богу, им запомнились не только вкусовые впечатления. Профессиональный уровень музыкантов, студентов консерватории, культурное наследие сыграли огромную роль. Я же постаралась показать гостям Сололаки, пешеходную часть Агмашенебели. Они уловили ритмы и голоса города, поразились, что каждая улочка это – сцена, а дома и дворы – кулисы. Композитор Михаэль Бауэр был настолько увлечен живым театром Тбилиси, что воскликнул: «Как ты могла отсюда уехать?!».

– **Приятно такое слышать. Но в Грузии невозможно осуществлять инновационные проекты без зарубежных грантов. А кто вам помогает?**

– Репетиции, как правило, проходят в домашних условиях. Иногда в Союзе музыкантов, где нам выделяют какое-нибудь подсобное помещение за адекватную плату. Помощь оказывают Музыкальный фонд Германии и отдел культуры мэрии Мюнхена. Финансирование нам предоставляют мизерное, на нем не заработаешь, но энтузиазм поощряется. Все понимают, что современное искусство находится в свободном полете, что проекты бывают неудачными. Однако экспериментаторов поддерживают, не обрезают им крылья – такой политики придерживаются отделы культуры

Музицируют Эка и Карина

мэрий всех крупных городов и в правительствах федеральных земель Германии. В настоящее время эти структуры выписывают пособия простаивающим во время пандемии артистам и музыкантам в размере 75 процентов их прошлогодних доходов. Это помощь оказывается свободным деятелям искусства, чьи доходы полностью зависят от публичных выступлений.

– **Вернемся к последнему концерту на лайфстриме. Как вы скооперировались с разделившими ваш успех музыкантами из Тбилиси?**

– Творческое партнерство с ними – лишнее доказательство тому, что будущее за интернациональными проектами. Тбилисский саунд-артист, саунд-дизайнер, композитор, мульти-инструменталист Зука Мчедлишвили и американец Кристофер Маниннг, композитор, мульти-инструменталист совместно создали для нашего концерта композицию, записав шуму Тбилиси и обработав их. На эту композицию в лайфстриме мы музицировали вживую в стиле свободной импровизации. Вообще свободная импровиза-

ция только на первый раз кажется легким делом. Надо иметь большой музыкальный багаж и технические ресурсы, которые позволяют музыканту мгновенно реагировать на услышанное и выводить собственную линию повествования. Так что парни молодцы. Особенно поражает Кристофер, который приехал в Грузию несколько лет назад из США по обмену молодыми специалистами, два года прожил в кахетинском селе, обучая детей английскому языку, сам прекрасно выучил грузинский и теперь работает в Тбилиси, занимаясь в свободное время творчеством.

– **Эка, спасибо за рассказ, с наступающими праздниками. Как будешь их встречать?**

– В домашнем кругу Рождество и Новый год – это самые семейные праздники. Не важно, что в городе нет обычной суеты, ярмарок. Главное, чтобы дома все было как обычно, вкусно, празднично, весело. Пользуюсь случаем и передаю новогодние пожелания коллективу «Русского клуба» и вашим читателям. Всем желаю здоровья и благополучия!

Авиазавод Мессершмитта в Регенсбурге

ТБИЛИССКИЙ «ШТИРЛИЦ»

■ Владимир ГОЛОВИН

Об этом человеке я впервые узнал на заре выпусков «Головинского проспекта». Готовился всего лишь пятый номер этой газеты, когда мой друг, тбилисский музыкант Александр Мурадов, живущий в Иерусалиме, прислал статью израильского журналиста о человеке, которого автор считал прототипом знаменитого Штирлица. И ссылаясь журналист на книгу «Перчатки без пальцев и драный цилиндр (Из рассказов штурмбанфюрера)», написанную и подаренную ему научным сотрудником иерусалимского мемориального комплекса «Яд ва-Шем» Ароном Шнеером. Работая над исследованием жизни и гибели советских военнопленных в Третьем Рейхе, этот научный сотрудник познакомился с человеком, который, как ему сказали, «мог на эту тему многое рассказать». В статье сразу поражает, как много раз рядом с именем разведчика упоминаются Тбилиси и Грузия. И я решил отыскать саму книгу. Отыскал под вторым названием «Из НКВД – в СС и обратно», прочел. И поспешил поделиться с читателями тем, что связывало «иерусалимского Штирлица» с Грузией и что он думал о разведке вообще, и о персонаже Вячес-

лава Тихонова, в частности.

Впрочем, по-моему, не стоит считать этого человека прототипом Штирлица. Общее у них то, что оба попали в Германию через Испанию, носили мундир эсесовского офицера, добывали важнейшую информацию, были вхожи в высокие круги, неплохо рисовали, после войны продолжили работать в разведке уже против бывших западных союзников. А какие различия? «Наш» был в звании штурмбанфюрера (майора), а не штандартенфюрера (полковника). В Испании не работал в немецкой разведке, а будучи офицером-танкистом у республиканцев, перешел к франкистам и от них – к немцам. Действовал не под вымышленной фамилией, а под фамилией материнских родственников. Был не одинок среди врагов, а пользовался поддержкой живущей в Германии ветви рода Беннигсенов. В отличие от Штирлица работал не в СД, а подал заявление в Вермахт, оттуда – в войска СС и стал боевым офицером-танкистом. А после ранения заведовал отделом кадров на одном из заводов Мессершмитта, набирал туда работников среди советских военнопленных и вывезенных в Германию гражданских.

О себе интервьюеру он рассказал мало конкретного, хотя до самой своей смерти в 88 лет

сохранил блестящую память, критический ум и острый язык. Сообщил, что он – грузинский дворянин, в архивах КГБ числится под псевдонимом Челидзе Александр Петрович. Автору книги представился под фамилией Гоглидзе, но потом признался, что и это – один из псевдонимов. И категорически отказался дать свои фотографии. Фамилию отца не назвал, но в паре его откровений проскользнули имя и отчество – Михаил Сократович.

Впрочем, если порыться в архивах, фамилию можно вычислить, – в 1937 году его отец был замнаркома земледелия Грузии по коневодству, а в 1945-м – председателем Комитета по руководству сельскохозяйственными учебными центрами Грузии. Если, конечно, сын не конспирируется и в этих сведениях. А вот мать – Екатерина Готовцева имела знаменитых предков. С одной стороны, была праправнучкой графа Леонтия Беннигсена, одного из убийц Павла I, в 1812 году снятого с должности начальника главного штаба русской армии за интриги против Кутузова. А с другой – относилась к роду Тучковых, два генерала из которого героически погибли при Бородине. Если ее сын сказал правду, она заведовала кафедрой иностранного языка в Тбилисском госуниверситете, пока не образовался Институт иностранных языков.

Обедневший грузинский дворянин познакомился с ней под Ельцем, в поместье своего приятеля, а в 1912 году в Москве у них родился будущий разведчик. «Мой папаша пошел в революцию, перед войной 14-го года стал уже настоящим большеви-

Леонтий Беннигсен

ком, – вспоминает «Штирлиц». – Начинается Первая мировая. Отца мобилизуют, и он попадает в резервную бригаду в Сызрань. Отец – лошадиник, он своих лошадей имел. Командир бригады, отставной генерал, тоже лошадиник. Обходит строй и вдруг видит: «Михаил Сократыч! Вы что здесь делаете?» И отец, вместо того, чтобы воевать, три года жил в Сызрани на частной квартире. Выписал свою жену. Все командиры в бригаде знали, что это дворянин, хоть и рядовой... Революционная деятельность? Пакости делали. Листовки распространяли. Товарищ Фрунзе туда приезжал, ребенком его помню. Понимаете, я в этой среде вырос».

В Гражданскую войну, «где мог быть лошадиник? – у Буденного всеми лошадьми ведал, затем захотелось саблей помахать, и стал эскадронным командовать. Потом в ЧК забрали в середине 1919 года. Потому, что дядя и крестный – большие чекисты, и его туда взяли». Дядю, брата отца разведчик называет по имени-отчеству, не скрывает и место работы – Кронид Сократович, председатель ЧК Горской республики. Я выяснил, что это реальный человек. Два года Кронид Сократович Хускивадзе был главным чекистом Горской автономной социалистической советской республики со столицей во Владикавказе, просуществовавшей с 1921-го по 1924-й на территориях бывших Терской и Кубанской областей Российской империи. А брата его звали Михаил...

Так что же, фамилию, под которой появился на свет будущий разведчик, можно считать уста-

новленной? Ну, а имя... В беседе со своим героем автор книги Шнеер бросает фразу: «Имя Авенир – абсолютно не немецкое». Очевидно, в первый раз оно прозвучало во время разговора, не вошедшего в книгу. И таинственный собеседник реагирует на это имя вполне спокойно, рассказывая, как жил под ним среди немцев. Итак, Авенир Хускивадзе? В 1927-м его семья переезжает в Тбилиси. Слово ему:

«Жили, где все руководство жило, напротив дома Махарадзе... Рядом жил замнаркома сельского хозяйства Грузии, товарищ моего отца Василий Канделаки... Его задний сад соприкасался с двухэтажным особняком Лаврентия Палыча Берия, где, кстати, никого не расстреливали и не насиловали. Супружница там была и сынишка. В свободное от работы время Лаврентий Палыч в волейбол с нами играл. Столбы помогал на площадке закапывать. Правда, это не мешало ему в 37-м году Канделаки, с которым он вместе в шахматы играл, шлепнуть... Вот откуда я знаю Берия. Я его несколько раз в неделю до моего отъезда в 32-м видел. Лето я проводил в Мухранском совхозе, бывшем имени князей Багратион-Мухранских. Отец принял шефство над этим научно-исследовательским совхозом... Там сохранилась огромная княжеская библиотека. Я оттуда не вылезал».

Немецкий язык он знал с детства: «Мамаша Институт императрицы Марии Федоровны окончила. Папа тоже год в Германии стажировался... Дома с детства день говорили на немецком, а день – на французском. Кроме того, после переезда в Грузию я учился в немецкой школе. В Грузии было в этот момент достаточно немецких колоний, а в Тбилиси была немецкая школа на Кирочной улице. Ее я и окончил». При этом он неплохо рисовал и поэтому поступил в Тбилисскую Академию художеств. Из которой перевелся в Ленинград, где его и призвали в разведку:

«Одновременно поступил в Политехнический институт, и успел окончить три курса по специальности инженер-электромеханик. В 1934-м году меня вызвали в обком комсомола и вежливо сказали: «Уважаемый... мы зна-

ем, кто вы и что вы. Если хотите защищать советскую власть, мы вас будем учить». Так мне предложили работать в органах. Ну, а всякие книжки про разведчиков каждый мальчишка читает. В это время я уже какую-то книжку о Лоуренсе прочитал. Интересно, что меня именно романтика Лоуренса закрутила, а не сама работа в органах на службе родине. Я согласился».

Родители остались в Тбилиси, но для того чтобы у их сына была за границей хорошая «легенда», чекисты провели с ними изощренную операцию. Инсценировали их арест и тайно отправили работать по специальностям на Дальний Восток. А после войны вернули обратно. «Родители знали, что я в командировке, но где, могли только догадываться, связи не было. Отец уехал под своей фамилией. Кто будет интересоваться, куда в 37-м году девался замнаркома? В 37-м стали бы волноваться, если бы не посадили, а раз посадили, то все в порядке. Все руководство Грузии село». А сам он в середине 1930-х обучается в ГПУ – «от шифровального дела до умения кидать нож, хотя настоящему разведчику это и не нужно... рассказывали мне, что такое Германия, читали немецкие газеты, показывали немецкие города... главное, умение работать с людьми».

А в 1936-м начинается Гражданская война в Испании, и советская разведка решает использовать немецкую ветвь рода Беннигсен, которая до революции поддерживала связи с кавказскими родственниками. Так что под именем Авенир и фамилией Беннигсен разведчика в 1937 году отправляют «добро-

Г. Гудериан и С. Кривошеин на параде в Бресте. 1939

Старое здание киностудии «Грузия-фильм»

вольцем» в Испанию, где он служит в танковом батальоне под началом Семена Кривошеина. Того, который в 1939-м вместе со знаменитым немецким генералом Гейнцем Гудерианом примет в Бресте совместный парад Вермахта и Красной Армии. Парад, посвященный передаче Советскому Союзу этого города с крепостью, захваченных немецкими войсками во время вторжения в Польшу.

В батальоне Авенир «узнает», что его родители «репрессированы». Теперь официально он – сын «врагов народа», значит, побег к антикоммунистам вполне оправдан. И в апреле 1937 года заместитель командира танковой роты переходит к франкистам, требует передать его немцам. У немцев две недели он проводит в изоляции, потом его отправляют на полтора месяца в Южную Баварию, все это время тщательно проверяют и, в конце концов, убеждаются, что он – тот, за кого себя выдает:

«Лучшая легенда – это правда... Родственники встретили меня с распростертыми объятиями. Много было пролито слез по поводу моих родителей. Мои кузины и кузены окружили меня теплом и вниманием... Отношения были исключительно теплыми все почти 8 лет моего пребывания в Германии... Именно благодаря им у меня было железное прикрытие. Мне действительно было намного легче, чем другим нелегалам... Мне не надо было выдавать себя за другого... В 23-м году мой отец побывал в Германии, в составе комиссии по закупке сельхозтехники. Он тогда посетил родных и оставил им несколько наших семейных фотографий. Так что я практически ничем не рисковал. У проверяющих

не было сомнений, что я – это я... Через семью троюродного брата Вульфа я познакомился со многими аристократическими семьями».

Он становится подданным Рейха и подает рапорт о зачислении в Вермахт. Просьбу удовлетворяют, но отправляют под наблюдение, в танковую группу в Испании: «...Меня любили, но на передовую не пускали. А вот танки ремонтировать позволяли. Присматривались, проверяли, конечно...». Проверки проходят благополучно, и нелегал ускоренными темпами заканчивает танковое училище. «Коллеги меня жалели и относились с симпатией, как к человеку, который 20 лет с лишним вынужден был жить у черта в лапах». В 1939-м его отправляют служить в танковый батальон дивизии «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер». Он участвует в польской и французской кампаниях, трижды ранен, награжден Железными Крестами I и II степеней. В войсках СС от унтерштурмфюрера (лейтенанта) дослужился до штурмбанфюрера (майора).

После тяжелого ранения под французским Амьеном в 1940 году его увольняют по инвалидности, а когда он лежит в госпитале, неожиданно выходит на связь Центр: «...Появился там новый врач. Подошел ко мне раз, два, заговаривает со мной больше, чем с другими ранеными. Это меня насторожило вначале. Потом вижу обыкновенный дурачок, немец, которого интересуется, что и как было в России. Я ведь не скрывал, что я из Союза. А однажды он мне сказал одну фразу вроде, что дяди Кронид и Эйзер (муж сестры отца – В.Г.) хорошие ребята. То есть то, что мог знать только я, и это был заранее обусловленный пароль. С этого момента установилась связь. Сообщили, кто и когда придет».

Лишь через пять месяцев восстанавливается более или менее постоянная связь: «У меня были связники. Через третьи руки все уходило, и я не знал, кому и куда... Я никогда не встречался с одним и тем же. Встречи два-три раза в году. Предварительно телефонный звонок... Назначалось место. Мог быть ресторан. Не всегда приходил в форме. У меня же не папка с документа-

ми. Усы никогда не клеил. Нормальные люди этого не делают. Через пять минут определяю: наклеены у вас усы или нет, или, наоборот, вы определите. Зачем же фокусы делать?» Как «истинный ариец», еще в госпитале он подает рапорт о зачислении на любую должность, хотя бы в тылу. И с помощью влиятельных родственников в начале 1941-го ему находят непыльное местечко в Регенсбурге, где был авиазавод Месершмитта, имеющий еще и филиал в концлагере Флоренбург.

Так Беннигсен становится «арбайтсдинляйтером» – что-то вроде начальника отдела кадров, ответственного за набор из концлагерей рабочей силы. Он и его подчиненные входили в производственный отдел фирмы «Месершмитт». Помимо отбора среди пленных рабочих и специалистов для обеспечения бесперебойной работы производства, в обязанностях – проверка благонадежности инженеров и вербовка «своих людей» среди заключенных. Пользуясь этим, разведчик берет на заводы тех, кого абвер считал неблагонадежными. Работа позволяет ему бывать на любом секретном производстве («самолету нужно все»), беспрепятственно разъезжать повсюду, знать обо всех новинках немецкой авиации. Казалось бы, можно завалить Центр сообщениями, но... За первые 2 года работы в Германии передано лишь одно сообщение – об успешной легализации. Потом – год молчания, а за все годы работы – максимум 7 сообщений.

Объяснение разведчика: «Все знали, что такое «месершмитт» и где его делают. Пока не появился новый сверхмессер, мне нечего было сообщать. О работах над реактивным сообщил вовремя. Как только опытный образец поднялся в воздух в 41-м, об этом узнали, кому надо. Дело не в количестве сообщений. Месяцами собираешь по крупицам, а потом посылаешь, или если есть что-то особенное... Когда появились новые модификации – М-109Е и М-110, в Москве узнали раньше, чем их получили на фронтах. Когда увеличили мощность мотора, и он стал конкурировать с американской «коброй», тоже я сообщил. Если каждый месяц со-

общать, сколько выпустили самолетов, раз-два засекут и все. Это только в фильмах разведчик с рации не слезает. Да я ведь и не фронтовой разведчик, который постоянно оперативную информацию должен передавать».

В декабре 1944-го Беннигсен возвращается в танковую часть, под Арденнами попадает в плен к американцам и из лагеря для военнопленных возвращается к своим. Во Франции и Германии под фамилией Гоглидзе работает в миссиях по репатриации. В Бельгии он – советник торгового атташе, потом – снова Франция, представитель комиссии по урегулированию вопросов ленд-лиза, торговый атташе, референт по торговле в советском посольстве. Все это – официальная «крыша», он занимается в основном вербовкой агентов в официальных кругах и среди эмигрантов, желающих вернуться в СССР, а также поиском ученых, работавших над ракетой ФАУ. Но не только это:

«Занимался я, как теперь говорят, и промышленным шпионажем. Разведчик каждый день не меняет задание. Он может 4-5-10 лет выполнять одно и то же. Так и у меня осталось прежнее: новинки техники. Я ведь уже не нелегал был. Поэтому я, а чаще мои товарищи, посещали различные технические выставки, которые эти товарищи буржуи имеют привычку устраивать, с целью продажи своих изделий. Там можно вполне официально выловить пару военных секретов, направление исследований и другие вещи. Вся информация стекалась ко мне, а я уже передавал ее дальше. Наблюдал за атомными разработками Франции, раздобыли новый прибор для получения кислорода из воды... А вообще у меня работа стала более кабинетная. Приходилось десятки газет просматривать и выискивать всякие веселые вещи».

В 1945-м он создает семью, жена Татьяна Кузьминична служила командиром роты связистов при штабе оккупационных войск в Германии. На следующий год – разрешение съездить в отпуск. Две недели проводит у родителей жены в Кемерово, а потом – в Тбилиси, к своим родителям, вернувшимся с Дальнего Востока: «Квартиру дали другую.

В 37-м в нашем доме было 6 семей, из них 5, кроме нашей, были репрессированы. Отец сказал, что не хотел бы туда. Там были его друзья. На кладбище жить не хотел»... После всего пережитого Авенир считал полным бредом то, как работа разведки показана в литературе и кино. Вот зачатую шокирующие высказывания разведчика-профессионала:

«Только идиоту Штирлицу могли вызвать его жену, чтобы он засыпался на свидании. У меня, как у всякого немецкого офицера, были связи... И, конечно, Штирлиц сразу должен был вызвать подозрение: либо импотент, либо, как теперь говорят, «голубой», либо еще что-то... Общение с женщиной – это очень существенный момент, который говорит о естественности и правдивости жизни. То, что в советской литературе скрывается абсолютно. Надо быть нормальным человеком, а не печь картошку в камине и не распевать про себя: «Степь да степь кругом...». Это ненормально. Хорошо, что авторы еще не додумались до того, что Штирлиц поет во весь голос. Да и помнить про 23 февраля и другие советские праздники... Не до этого было! Я жил жизнью немецкого офицера, немца, а иначе не выжил бы. Что за глупая ностальгия и сентиментальность – петь про себя? Это ложь потрясающая!»

«Только хреновый разведчик хватается за все. Не надо мне в чужие сферы влезать... Главное, если вырастаешь в эту профессию, то привыкаешь не делать глупости, ты вырастаешь в шкуру,ходишь в образ. На самом деле профессия разведчика менее романтична и менее рискованна, чем она кажется людям. Если ты правильно подготовлен, у тебя хорошая крыша и все продумано, и сбоку дураков и предателей нет, то вживаешься и живешь себе. Перед сном не проверяешь пистолет – на звезде и под подушкой или нет. Это только Штирлицу всякие могли положить. Зачем тебе пистолет под подушкой, если ты находишься в тылу и ты немецкий офицер?»

«В разведке исключается романтика. Грязь и подлость. Честный человек в разведке не работает... А проблема разведчика, оказавшегося в армии противни-

ка – своего не жалеет в бою. Тут как хороший актер:ходишь в образ, и внутреннее выражение образа начинает соответствовать его внешнему состоянию. У того, кто участвует в боях, выхода нет. Стрелять надо – ставится на кон не только жизнь, но и все дело. Очень неприятно себя во время боев чувствовал... Вообще, разведчик 95% своего времени отдыхает и лишь 5%, и то редко, работает. Если будет наоборот, то не выдержит нервная система».

«Есть такие стороны разведки, которые можно обозначить, как «темные», о них не принято говорить, о них не пишут. Со мной работали три человека. Одно из них мы заподозрили в том, что он может нам повредить или, возможно, приведет к провалу. Парткомиссии нет, в Москву не отправишь. Мы его просто убиваем. А после войны выясняется, что он ни в чем не виновен... Порой приходится жертвовать кем-то или чем-то сознательно, зная, что обрекаешь на гибель, но иначе можно засыпаться и других за собой потянуть... Когда Штирлиц спасает двух детей – это ложь. Он не мог, не имел права так поступать. Сколько он людей мог подставить, себя, свое дело... Он, как настоящий разведчик, должен был бы избавиться и от радистки. Ей, кстати, с первого дня обучения вколачивали: «Упаси боже рожать детей. Орать при родах будешь по-русски». Забеременела – аборт делай. Акси-

Над этими мультфильмами трудился А. Хускивадзе

Иерусалим. Православное кладбище на горе Сион

ома: за границей нелегалки не рожают».

Автор этих резких и для многих неприемлемых суждений в очередной раз приезжает в Тбилиси в 1956-м, после работы «под крышей» в советском посольстве во Франции. С разведкой тогда вроде бы покончено. Занятие себе, по его словам, находит случайно. Заходит на студию «Грузия-фильм» к брату своего товарища, встречает режиссера-мультипликатора Вахтанга Бахтадзе, и тому нравится, как новый знакомый рисует. Имя аниматора Авенира Хускивадзе появляется в титрах, по крайней мере, двух знаменитых мультфильмов – «Самodelкин-спортсмен» и «Свадьба соек».

А потом вновь «Родина зовет». «...Когда я оказался в том же кресле и в том же ампула, то понял, что ничто не изменилось. Я не хочу изображать из себя борца. Перебегать я не хотел, но и участвовать в этих делах тоже. Понимаете, я с детства знал о своих корнях. А у дворян измена не в чести – «Под коим знаменем присягу принял, под оным и помирать должно»... Нет, чувства опустошения не было. Но было недовольство, что старый дуралей попался на провокацию и поверил, что Советская власть, может быть, изменится. Не делайте меня героем. Я просто увидел, что вместо «оттепели» начались заморозки. И я отошел».

Хорошо еще, что ему позволили «отойти». Когда он в последний раз приехал в Тбилиси, трудно сказать. Но жил здесь до конца 80-х. А потом уехал в Израиль – тот самый дядя Эйзер из пароля, названного в немецком госпитале, был евреем. Причину же отъезда объяснял так: «Вен-

грия в 56-м, Чехословакия в 68-м, Тбилиси в 89-м – это звенья одной цепи... Поэтому мы с женой после апрельских событий в Тбилиси пришли в ЦК и партбилеты вместе с наградами на стол швырнули». Жил он в Иерусалиме с женой, дочкой, сыном, внуками. И все-таки приезжал в Тбилиси, но... «Что Тбилиси? Самое обидное, когда с твоей нацией происходит такое... Больше миллиона сбежало из Грузии. Студия моя закрыта. А ведь какие фильмы грузины делали! Вот Иоселиани недавно в Иерусалим приезжал. Звоню ему в номер, снимает трубку: «Господин Иоселиани» Я ему: «Пупуцо, – так я его звал, – гамарджоба». Он: «Господин... откуда?» – «Из Иерусалима. Вот адрес, приезжай». Через полчаса был здесь. Посидели. Вот видите – опять хвастовство. Я не виноват, что столько обрушилось на мою голову...»

Часть того, что вы сейчас прочли, 14 лет назад появилось в газете «Головинский проспект». Не было лишь некоторых прояснившихся со временем деталей и главного – вероятного имени героя. Не хватило тогда времени, чтобы разобратся в хитросплетении фамилий, отчеств и дат. Но уже через день после публикации читатели стали сообщать, что вычислили, о ком идет речь. Правда, фамилия разведчика так и не прозвучала. Например, в редакцию позвонил человек, представившийся Леоном, и сообщил, что очень хорошо знал нашего персонажа. Впрочем, по его словам, Авенира или дядю Веню в Тбилиси знали многие. Именно под фамилией, указанной в титрах мультфильмов. Он был не только интересным человеком – много знающим, остроумным, великолепным собеседником, но и прославился как один из родоначальников культуризма в Тбилиси.

Тренировочный зал, созданный им в конце 1950-х, полвека сохранялся в подвальном помещении недалеко от старого здания киностудии «Грузия-фильм». Леон рассказал и о том, о чем умолчал разведчик в своих воспоминаниях – в 1956-м он вернулся в Тбилиси не из Франции, а из сталинского концлагеря. В который попал прямо из этой самой Франции. Что ж, такова судьба

многих и многих советских агентов. А еще Леон сообщил, что в Тбилиси живет ближайшая родственница Авенира, и он попросит ее встретиться с мной, показать фотографии, рассказать, что можно. К глубокому сожалению, эта женщина категорически отказалась разговаривать с журналистами. Но не могу не добавить то, что рассказал звукорежиссер студии «Грузия-фильм» Дмитрий Гедеванишвили, ныне отошедший от киношных дел.

Он тоже сообщил, что сразу узнал в газетной статье «дядю Веню», которого очень уважал. В 1962-м, несмотря на занятость, тот не отказался помочь старшекласснику Диме и его друзьям. Ребята решили экранизировать в кружке кинолюбителей при клубе имени Плеханова, что был в Нахаловке, новеллу Анри Барбюса «Двое». Действие перенесли в годы Второй мировой войны, и понадобилась консультация по немецкой военной форме и знакам отличия. Консультантом, о котором можно только мечтать, стал «дядя Веня». А потом они встречались на киностудии, где оба работали, и Авенир на протяжении более 20 лет практически не менялся. Выглядел эффектно, держался аристократично, высказывался с юмором, призывал приобщаться к культуризму и до солидных лет сохранил осанку «качка». Подробности своей службы в разведке он сделал закрытыми для большинства окружающих, но иногда у него с горечью прорывалось, что он служил родине у немцев, а она его за это посадила.

Еще оба моих собеседника говорили, что «дядя Веня» любил и умел рассказывать байки. Но, наверное, не имеет особого значения, что он мог и приукрасить какие-то моменты своей жизни. Главное во всей этой истории в том, что грузинский дворянин прослужил в личине эсесовского офицера многие годы и вернулся в Тбилиси, где его по сей день вспоминают добрым словом. Прошедший через страшные перипетии разведки, он умер в Иерусалиме в 2000-м, от инсульта, спровоцированного воспалением легких. Похоронен разведчик на православном кладбище на горе Сион. И никто не уточняет, какое имя на могильной плите.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ

С НАСТУПАЮЩИМ НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

Дорогие наши зрители и читатели!

Помните, как мы с вами обычно провожали Старый год и встречали Новый?

Каждый раз в праздничные дни театр имени Грибоедова приглашал вас на новогоднюю премьеру – новое музыкальное представление и, конечно, на лучшие детские спектакли – «Снежная Королева», «Буратино», «Приключения Карлсона», «Крылья для Дюймовочки», «Маугли», «Рождественская сказка», «Золушка», «Двенадцать месяцев»...

А после спектаклей – вы помните? – в фойе театра

Дед Мороз и Снегурочка раздавали нашим юным зрителям праздничные подарки.

К сожалению, на этот раз «снежная королева» пандемией оказалась сильнее, и наша встреча... Нет, не отменяется! Мы просто перенесем ее на более светлые времена и непременно увидимся снова. И все будет – и премьера, и праздник, и радость! Знаете, у «снежных королей» есть одна отличительная черта – в конце концов, они обязательно проиграют.

А пока – с наступающими праздниками, дорогие друзья!

Будьте здоровы! До скорой встречи!

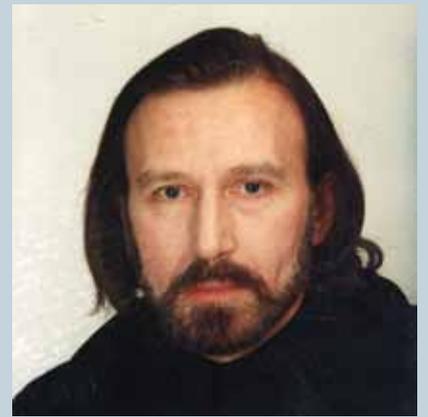

КНИГИ О ГРИБОЕДОВЦАХ

Грибоедовского театра в течение сорока лет. Он – живой классик, находящийся от нас на расстоянии одного рукопожатия».

«Мавр Пясецкий очень любил людей. Его отношения к друзьям, родственникам, коллегам, вообще – ко всем людям, было исполнено такой доброты и радости, искренности и готовности помочь, что об этом по сей день с благодарностью и нежностью вспоминают все, кому посчастливилось с ним общаться, дружить, работать. А еще – он был истово, вплоть до самопожертвования, предан своему делу – театральному искусству,

ей внимание, заботу, дружелюбие, – вот что стало причиной ее решения остаться здесь навсегда».

«Утонченная и аристократичная, нежная и женственная, сильная и экспрессивная, разная – такой тбилисский зритель знает и помнит народную артистку Грузии Елену Александровну Килосанидзе: в 1990-е годы она уехала из Грузии, но осталась в наших сердцах.

«У Людмилы Артемовой-Мгебришвили две крепости в жизни, две опоры. Две твердыни, незыблемые ценности, постоянные величины, которые сопровождают ее всю сознательную жизнь. Это Дом и Театр».

«В начале творческого пути Валерий Харютченко буквально взорвал театральный Тбилиси ролью Герострата в спектакле А. Товстоногова по пьесе Г. Горина «Забывать Герострата». Вот как пишет об этом периоде творчества артиста грузинский театровед Лела Очаури: «Хорошо помню ажиотаж общественности и аншлаги в театре, когда на сцене впервые появился и сразу стал ведущим актером совсем еще молодой, симпатичный, изысканный Валерий Харютченко, как он покорила Тбилиси 70-х, избалованный талантливыми артистами и прекрасными спектаклями. Прошли годы, но мы до сих пор не забыли лучшие работы Харютченко тех лет».

В год 175-летия Тбилисского государственного русского драматического театра им. А.С. Грибоедова в знаменитой серии «Русского клуба» «Русские в Грузии» вышло сразу шесть изданий, посвященных актерам – знаменитым грибоедовцам. Герои новых книг – народный артист Грузии **Анатолий Смиранин** (1892-1971), народный артист Грузии **Мавр Пясецкий** (1910-1977), заслуженная артистка Грузии **Валентина Воинова** (1938-2014), народная артистка Грузии **Елена (Нелли) Килосанидзе** (род. в 1935 г.), заслуженная артистка Грузии **Людмила Артемова-Мгебришвили** (род. в 1948 г.), ведущий актер Грибоедовского театра **Валерий Харютченко** (род. в 1948 г.).

Поддержку в издании книг «Русскому клубу» оказали Фонд «Русский мир», Россотрудничество, Департамент внешнеэкономических и международных связей города Москвы и Правительство Москвы.

«Более ста лет три поколения рода Смираниных служат Театру. Основатель актерской династии Анатолий Дмитриевич Смиранин начал свою карьеру в 10-е годы XX века. Поклонники не пропускали ни одного его спектакля. На его репетиции сбегались актеры. Он был интеллектуалом. Обладал магией держать зал в напряжении. Он был лидером труппы

которому служил во всем великолепии таланта, дарованного ему свыше».

«Тбилиси, – говорила Валентина Воинова, – принял меня с распростертыми объятиями, окутал своим теплом, добродушием, гостеприимством. В первые же дни моего пребывания в Тбилиси я знала точно:

здесь я задержусь надолго». Она действительно «задержалась здесь надолго» – на пятьдесят три года. Конечно же, Тбилиси очаровал ее с первых дней. Но не это главное. Люди, окружавшие ее с того самого момента, как она ступила на грузинскую землю, люди, оказавшие

СТОЛЕТИЕ ОЛЬШАНИЦКОЙ

21 декабря отмечается столетие со дня рождения режиссера, педагога **Мэри Григорьевны Ольшаницкой**. Выпускница ГИТИСа имени А. Луначарского, она работала в театре Грибоедова с 1951 года. Мэри Ольшаницкая дважды (в 1953 и 1957 гг.) поставила на тбилисской русской сцене спектакль «Киквидзе» В. Дарасели. Обе постановки имели большой успех. Вполне в духе времени в спектакле был воссоздан образ грузинского Чапаева – легендарного командира дивизии Василия Киквидзе. Критики писали, что в постановке Ольшаницкой отражен «суровый колорит эпохи, его просветленность и пафос». «Спектакль решен условно и в то же время правдиво. Режиссер М. Ольшаницкая и художник Е. Донцова умело воспроизводят в нем степную даль и путаницу путей на железнодорожной станции, и грубые бревна наката над штабом дивизии, и покосившийся телеграфный столб над насыпью, изуродованной войной. Здесь есть люди, есть судьбы, которые волнуют; главное же – есть герой, которого горячо принимает зритель»

В 1956 году – это начало эпохи театральной «оттепели», когда на сцене появляются новые авторы, в том числе – зарубеж-

ные, театр имени А.С. Грибоедова выпустил спектакль «Любовь навсегда» по пьесе Виктора Розова. Больше известно другое ее название – «Вечно живые». Через год спектаклем под таким названием открылся московский «Современник» – общеизвестно, что именно с этой легендарной постановки и началась история знаменитого коллектива, ставшего символом театрального обновления. А вот на грибоедовской сцене пьеса была поставлена Мэри Ольшаницкой намного раньше: тбилисский театр одним из первых обратился к драме Розова.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ...

20 декабря художнику **Ларисе Васильевне Федоренко** (1950-2005) исполнилось бы 70 лет.

«За прошедшие годы она могла бы принести нам, живым, еще много радости и света, – говорит

сценограф и плакатист плодотворно работала во многих театрах. Грибоедовский же был для нее родным домом. Здесь она оформила ряд постановок – «Новогодние приключения» З. Квицинадзе, «Нелетная погода» Г. Хухашвили, «Светлой памяти» Е. Килосанидзе, «Человек, который платит» И. Жамиака, «Ловушка» Р. Тома, «Заплыв по реке забвения», «Вишневый сад» А. Чехова (художник по костюмам), «Мне скучно, бес... Чур-чур меня!» (по драматическим произведениям Пушкина). Также создала ряд блестящих плакатов к спектаклям «Путь» Г. Батиашвили, «Час пик» Е. Ставинского, «Всего лишь раз – и то во сне» Ш. Шаманадзе, «Вишневый сад» А. Чехова, «Женщина» Л. Андреева.

Она обладала и талантом ювелира, создавая из всевозможного подручного материала потрясающие вещи, поражающие своей парадоксальностью

актер В. Харютченко. – Лариса была настоящим художником. Талантливым, изысканным и глубоким. Ареал ее творческого интереса охватывал многие сферы. Окончив Тбилисскую академию художеств как искусствовед, она в совершенстве владела и пером графика. В качестве художника по костюмам сотрудничала с киностудией «Грузия-фильм». Как

и красотой. Изумительный браслет, изготовленный ее руками из старинной серебряной вилки, привел в восторг самого Сергея Параджанова, и Лариса с большой радостью подарила ему эту вещь. Сергей Иосифович с удовольствием показывал браслет Владимиру Высоцкому, Майе Плисецкой, Белле Ахмадулиной, Андрею Тарковскому».

ЛЕТОПИСЬ

«ВСЕГО ЛИШЬ РАЗ – И ТО ВО СНЕ...»

12 декабря родился режиссер **Давид Георгиевич Цискаришвили** (1942-2012).

С 1982-го по 1989 г. – режиссер-постановщик Тбилисского театра им. А.С. Грибоедова.

Поставил спектакли: «Смерть Тарелкина» А. Сухово-Кобылина, «Путь» Г. Батиашвили, «Всего лишь раз – и то во сне» Ш. Шаманадзе.

«Два часа на сцене четыре женщины, четыре подруги, знающие друг друга уже не первый год, ждут перемен... По сравнению с персонажами Ш. Шаманадзе «три девушки в голубом» из одноименной пьесы Л. Петрушевской деликатны и сдержанны, как «три сестры» А. Чехова. Бурный темперамент, экспансивность героинь Шаманадзе – Цискаришвили ищут выхода, и они хлещут друг друга словами, чтобы затем броситься друг к другу в объятия, молятся и матерятся, хохочут и рыдают. Спектакль идет без перерыва, да он и невозможен, так как сбил бы напряженный ритм, неумолимую последовательность «вспышек» и «разрядок» в настроении героинь» (М. Литовская, «Вечерний Свердловск»).

КРАСИВЫЙ СТАРТ БАЗАРОВА

22 декабря родился народный артист Российской Федерации **Владимир Георгиевич Богин** (1946 -2017), выпускник Московского театрального училища имени М. Щепкина (курс М.И. Царева), после чего был пригла-

шен в Тбилисский театр им. А.С. Грибоедов. В январе 1971 года состоялась премьера спектакля «Тень» Е. Шварца (режиссер Р. Шаптошвили), которая одновременно явилась и коллективным дебютом большой группы молодых актеров, выпускников московских театральных вузов – Георгия Васильева, Владимира Богина, Алены Богиной, Виталия Стрёмовского, Станислава Кабешева, Виктора Гнедаша, Юрия Стрельникова, Бориса Шинкарева, которых привез в Тбилиси режиссер Гига Лордкипанидзе. «Прежде всего, нужно сказать о точном выборе пьесы – она позволила дебютантам выразить свойственные молодости задор и стремление к романтике, максимализм в любви и ненависти, в отношении к добру и злу» (К. Бушкин. «И премьера, и дебют». «Вечерний Тбилиси», 5 февраля 1971 г.).

Впоследствии В. Богин – актер московского Малого театра. Владимир прославился не только своими сценическими образами, но и ролью Базарова в телевизионной версии «Отцы и дети» И. Тургенева.

МНОГООБРАЗИЕ ТАЛАНТА

19 декабря – день рождения **Евгении Павловны Донцовой** (1924-2006). С 1950 года – художник Тбилисского театра им. А.С. Грибоедова, а с 1964 года –

его главный художник. Оформила около 100 спектаклей. Из них свыше 70 – на грибоедовской сцене. Работала в разных городах СССР. Некоторые из оформленных Донцовой спектаклей были отмечены призами.

К чему бы ни обращалась в

своем творчестве Евгения Павловна – рисунок, акварель, литография, станковая композиция, ее произведения всегда были отмечены высоким профессионализмом. Сценография Донцовой способствовала созданию ярких, волнующих, эмоциональных спектаклей: «Живой труп» Л. Толстого, «Собака на сене» Лопе де Вега, «Расточитель» Н. Лескова, «Жестокие игры» А. Арбузова, «Последние» М. Горького, «Закон вечности» Н. Думбадзе, «Измена» А. Сумбаташвили-Южина, «Дни Турбиных» М. Булгакова, «Сестры» Л. Разумовской, «Железный поток» по А. Серафимовичу, «Цилиндр» Э. де Филиппо, «Энергичные люди» В. Шукшина, «Молодая гвардия» по А. Фадееву.

«Е. Донцова всегда интересно и оригинально ищет, успешно находит. Декорации решены в неразрывном единстве человека и окружающего его материального мира, времени и пространства. Причем это не копирование, а скорее создание мира эмоционального воздействия и социальной ориентации», – отмечала искусствовед И. Дзуцова.

Кадр из фильма «Кето и Коте»

ГЕОРГИЙ ШАВГУЛИДЗЕ. ТРИУМФ В РЕСТОРАНЕ «АРАГВИ»

■ **Лейла НАНИТАШВИЛИ**

Перевод с грузинского **Елены ГАЛАШЕВСКОЙ**

Георгий (Жора) Шавгулидзе был гордостью грузинского театра и кино, настоящим народным любимцем. Именно таким он остался в истории грузинского искусства. 16 ноября 2020 года исполнилось 110 лет со дня его рождения.

Кто не видел Шавгулидзе на сцене, тот не сможет иметь полное представление о его обаянии и самобытности его личности. Он обладал незаурядным талантом, удивительным даром перевоплощения, наряду с прекрасной внешностью. У него было редкое качество – очаровывать публику, какие бы роли ни приходилось ему исполнять. На сцене Тбилисского академического театра имени К. Марджанишвили, которой он отдал 30 лет, Шавгулидзе создал галерею самых разнообразных образов, и зрители полюбили исполнение им каждой роли так, как дано только избранным актерам.

Среди его знаменитых персонажей и блестяще сыгранных ролей – Чкондидели («Давид Агмашенебели» Левана Готуа),

Цезарь («Антоний и Клеопатра» Шекспира), Саят-Нова («Царь Ираклий» Левана Готуа), кинто («Солнечное затмение в Грузии» З. Антонова). Но особенно притягательными и обаятельными были его комедийные роли – Харитон («Свадьба в колхозе» Поликарпе Какабадзе) и Кохта («Марине» Марики Бараташвили).

Он привносил в каждую роль свою неповторимую притягательность, и спектакли с его участием всегда заканчивались триумфом. Его творчество было отмечено яркостью красок, точностью деталей, необыкновенным темпераментом. Так продолжалось до трагического случая 13 апреля 1959 года, когда он в 49 лет погиб в расцвете сил и таланта.

«Имя Георгия Шавгулидзе войдет в историю грузинского театра, как выдающегося мастера сцены. Множество сценических образов, созданных им, останутся в памяти народной лучшими воспоминаниями о его светлом таланте», – это строки из некролога написаны с глубо-

кой горечью и печалью.

«...С всячего моста в реку с довольно-таки большой высоты прыгали молодые люди. Проходящий вдоль реки седой интеллигент остановился, завороженный увиденным зрелищем. Один из молодых людей привлек его внимание:

– Как тебя зовут?

– Жора.

– Фамилия?

– Шавгулидзе.

– Любишь театр?

– Люблю.

– Обрадуешься, если станешь артистом?

– Очень.

– Приходи в театр и спроси меня. Я – Котэ Марджанишвили.

Проницательный взгляд великого режиссера нашел клад. Он обучил его сценической азбуке и сделал его актером. Затем поставил в ряд с великими актерами».

Это воспоминание принадлежит Вахтангу Таблиашвили. Интуиция великого режиссера Котэ Марджанишвили оправдала себя – из талантливого юноши родился великий артист. Прошло время и когда автор этих воспоминаний Вахтанг Таблиашвили писал сценарий по пьесе Левана Готуа «Давид Агмашенебели» для театра им. Котэ Марджанишвили, он так

Г. Шавгулидзе в роли кинто

Г. Шавгулидзе в роли красноармейца

же, как и его старшие коллеги не ошибся, оценивая актерские способности Георгия Шавгулидзе, доверив главную роль Георгия Чкондидели исполнителю характерных ролей. Переживали и режиссер, и актер, но Шавгулидзе с такой душевной отдачей исполнил ее, что результат превзошел все ожидания.

Творчество Георгия Шавгулидзе не уступало по популярности известным в то время актерам Серго Закариадзе и Шалве Гамбашидзе. Режиссер, вдохновленный успехом молодого актера, сказал: «Три гиганта стояли на сцене: Закариадзе в роли Давида, Гамбашидзе в роли Католикоса и Шавгулидзе в роли Чкондидели. Не знаю, кому из них отдать предпочтение».

Герои Шавгулидзе мыслили на сцене, жили живым словом. Харитон, Чкондидели и Октавиан Цезарь – лица, выделяющиеся вдохновением, великие, истинно великие лица.

Георгий Шавгулидзе, от природы награжденный богатым творческим потенциалом, за свою короткую жизнь много чего дал родной сцене. Мне трудно перечислить все его творческие победы... Их сколько угодно! Но, надеюсь, в будущем на страницах летописи нашего театра потомки прочтут полную характеристику его оригинального творчества. Мы же, свидетели его таланта, много

раз были потрясены его артистическим мастерством.

Цезарь ли в римской тоге, оживший ли с полотен Гудиашвили старый тбилисец, Луарсаб в чохе Ардазиани, или же скорбный жених Цагарели – кто перечислит, сколько художественных образов вписано в золотой фонд грузинского актерского творчества».

Эти строки – из прощального письма, написанного известным актером Васо Годзиашвили в трагические дни кончины Георгия Шавгулидзе, где он назвал его «творцом, который вдохновляет».

Я жила около церкви им. Александра Невского на улице Ниношвили. Наша улица пересекается с улицей имени Котэ Марджанишвили, в начале которой находится театр его же имени. Близость театра и его влияние обусловила приятные воспоминания молодости.

В то время проспект Плеханова и улица Марджанишвили сливались очагами культуры. Три кинотеатра – «Комсомолец», «Амирани», «Октябрь» (бывший «Аполло») с трудом вмещали зрителей. Рядом с «Амирани» между зданиями был втиснут маленький зал, который именовался «Хроника», – здесь можно было посмотреть новости, которые назывались «киножурналами». А сколько

театров радовали любителей театральной жизни! Им. Марджанишвили, Санитарно-культурный театр – здесь до начала спектаклей приглашенные лекторы делились с нами медицинскими знаниями. В конце проспекта был музыкальный театр комедии имени Васо Абашидзе, известный своими нашумевшими опереттами. У каждого театра был свой зритель.

А сады? – Сад «Арто» для подростков, где фотограф Грантик радовал нас веселыми и профессиональными фотографиями. Помню, как нас, школьников, повели на встречу с прекрасной Нато Вачнадзе. «Приветствуем нашу тетю Нато!» – такими возгласами мы здоровались с актрисой. Она была неотразима, в черном платье, украшенном белым воротничком. Сад Гофилэкт, облюбленный в основном посетителями старшего поколения. А подростки были частыми гостями сада «Муштаид».

Но с особой любовью я вспоминаю театр Марджанишвили, зрителем которого помог стать Театр юного зрителя, где мы часто бывали школьниками. Драматический театр своей сценической речью, развитием действия служит образованию, культуре и расширению кругозора. Это было особенно приятно и полезно, когда сцена

Саят Нова. «На перепутье»

предоставлялась своеобразной трибуне грузинского языка, встречам с драматургами, поэтами, писателями. Эти встречи были праздником. В театре мы могли приобрести буклет «Театральный Тбилиси»: мы знали наизусть весь репертуар, где, когда и какой спектакль идет, не пропуская игру дублеров. Стояли тяжелые послевоенные годы. Тяжело приходилось и

Почтмейстер. «Ревизор»

актерам, и зрителям. Нельзя было похвастаться театральным гардеробом, но мы гордились театром, а актеры радовались большому количеству зрителей в зале. Дирекция театра часто обращалась к учреждениям за помощью, чтобы те приобретали билеты для всего коллектива. Сегодня трудно поверить в то, что зимой в театр мы носили туфли, а боты, галоши, сапожки сдавали вместе с пальто в гардероб театра.

В театре Марджанишвили был «звездопад» талантливых актеров – Верико Анджапаридзе, Васо Годзиашвили, Сесилия Такаишвили, Шалва Гамбашидзе, Акакий Кванталиани, Сандро Жоржوليани, Елена Кипшидзе, прекрасная Медея Джапаридзе, Георгий Шавгулидзе – душа и сердце театра.

Если не ошибаюсь, именно на юбилее Сандро Жоржوليани Георгий Шавгулидзе в костюме

Харитона с букетом цветов вышел на сцену и тепло поздравил юбиляра.

В то время было принято собирать фотографии актеров, и я до сих пор храню свою коллекцию.

К сожалению кинематограф не смог нужным образом запечатлеть многоплановое творчество Георгия Шавгулидзе. Большею частью его снимали в эпизодических ролях – «Георгий Саакадзе», «Кето и Котэ», «Счастливы случай», «Весна в Сакене», «Они спустились с гор», «Стрекоза», «Цискара», «Баши-Ачуки», «Судьба женщины», «Мамлюк», «Приговор» (последняя роль).

Самой популярной и известной стала роль Давида Гурамишвили из одноименного фильма. В 1952 году актеру была присвоена государственная премия (Сталинская премия второй степени).

Фрагмент из воспоминаний Мамии Асатиани – «Прекрасный мастер сцены»:

«Наш славный художник Ладо Гудиашвили с необычайной красотой танцует «Кинтоури», грациозное движение тела и рук словно оживляет героев его прекрасных рисунков. Котэ Марджанишвили видел танец Ладо на Мцхетоба. Котэ пригласил художника в театр и попросил показать танец для труппы. После этого Георгий Шавгулидзе этот танец блестяще перенес на сцену».

Если танец, исполненный художником, как бы сошел с фрески, то Георгий Шавгулидзе, одаренный природным талантом, наполнил образ карачохели телодвижениями, характерными для только что вышедшего из-за застолья в Ортачальских садах.

Георгий Шавгулидзе с легкостью воплотил образ карачохели, описанного Иосифом Гришашвили в «Литературной богеме старого Тифлиса» – видный, открытый, честный рыцарь, широкоплечий, и по словам Иосифа Гришашвили «толстолицый». Но образ «карачохели» Шавгулидзе был прекрасней.

Незабываем его дуэт с Васо

Годзиашвили в фильме «Кето и Котэ», где он исполнял роль Нико, не менее привлекательны роли Рашида из фильма «Весна в Сакене», Эремиа – «Счастливый случай» и танец «Мазурка» Климиашвили вместе с прекрасной Лией Элиава из фильма «Судьба женщины». Все видели его великолепные движения ног в танце в фильме «Весна в Сакене» в роли Рашида.

«Наряду с танцевальным талантом у него был великолепный голос, незабываемый образ Саят-Новы в фильме «Царь Иракий». Его выход на сцену с тари в руках вызывал бурю аплодисментов. На протяжении всего фильма он пел непревзойденно, до сих пор в ушах звучит его возглас: «Я певец (сазандари) царя Грузии!» – вспоминает Вахтанг Таблиашвили.

Георгий Шавгулидзе был рожден для пира и счастья.

Конец пятидесятих годов, 1957-1958 годы...

От Союза писателей Грузии на Высшие литературные курсы в институт им. Горького были направлены молодые писатели, которые в свободное от лекций время ходили в ресторан «Араги».

Среди поэтов и драматургов

Маурисио. «Деревья умирают стоя»

Лорд Хестингс. «Ричард III»

был потрясающий тамада Отар Мампориа, друзья любовно его называли «Мампи». Он и Георгий Шавгулидзе были кутаисцами, их дружба продолжалась и в Тбилиси. Я же счастлива была дружбой с Мампи, будучи редактором сборника его стихотворений и адресатом стиха.

Отар Мампориа оставил нам прекрасные воспоминания о Георгии Шавгулидзе – «Тополь стройный», где с большой любовью и почтением вспоминает застолье вместе с актером в ресторане «Арагви». Кто знаком с Георгием Шавгулидзе только по кинофильмам, хотелось бы чтобы вы были также очарованы этим воспоминанием о нем, как и его работами на сцене и в кино.

«Тополь стройный» – это прекрасная страница красивой биографии Георгия Шавгулидзе и Отара Мампориа:

«...Московская зима. Иду с друзьями – грузинскими студентами по улице Горького, на головах ушанки, мы закутаны в шубы, от пронизывающего мороза трудно дышать.

Издали увидели любимого Жору Шавгулидзе, который качался, как тополек, покрытый снегом. Он был без головного убора и в осеннем плаще. Идет в плаще нараспашку, прорываясь сквозь снег.

Встретились, обнялись, поцеловались.

– Что, родные мои, опозорили меня в Москве? – спросил он с

кутаисским акцентом.

– Чем это мы вас опозорили, Жора батоно? – спросил я.

– Вы же не на Камчатке? Что на вас надето? Не стыдно перед москвичами? – сказал и беззаботно провел рукой по заснеженным волосам. – Не спросите, почему я приехал? Меня пригласили на съемки в «Мосфильм», но сегодня из-за погоды съемки отложили.

– Вот давайте проведем съемки вина в «Арагви», – сказал я и подхватил его под руку.

– Благословенны будете! Хожу тут как турист, на меня оглядываются, но никто не здоровается!

Идем по улице Горького, и, правда, мужчины и женщины, все смотрят на Жору.

Артист от Бога, идя по улице, он всем своим существом создавал праздник.

В ресторане «Арагви» все, от привратника до директора, вышли навстречу Жоре.

Пожилой гардеробщик-грузин достал из грудного кармана фотографию Жоры Шавгулидзе в роли Гурамишвили, и весь в слезах осторожно взял его плащ, как дорогую реликвию и трепетно повесил отдельно.

Жора перегнулся через гардеробную стойку и нежно поцеловал его глаза, полные слез, и в пышные усы.

– Мальчики, вы идите в зал,

скоро приду. Приведу себя в порядок, – сказал нам Жора.

Благодаря знакомому администратору мы смогли занять столик. В зале стоял гул от большого количества посетителей. Наверху, на маленькой эстраде, сидели зурначи.

Издали показался Жора, стройный как тополь.

Зурначи его узнали и в знак уважения начали играть мелодию Карашвили «Родина». Движения Жоры подстроились в такт музыке, в азиатках, натянутых как перчатки, в черной рубашке, усеянной пуговицами, крутя серебряную бляху ремня и наматывая ее на указательный палец, он плавно двигался к нашему столику.

Сидящие за столами поворачиваются к нему, чтобы хорошо разглядеть.

Вдруг я вспомнил кадр из фильма «Гурамишвили», когда он также гордо идет в свите Вахтанга VI на аудиенцию к русскому царю.

– Мои дорогие, с трудом дошел до вас, – сказал Жора и необычайно пластично сел на стул. – Шикарное застолье!

Зурначи с балкона эстрады с любовью приветствовали актера, Жора встал и почтительно поклонился.

Мы все вместе выпили за здоровье Жоры, а он в манере «Харитона» кривлялся и смешил

Москва. Ресторан «Арагви»

нас.

– Я, мальчики, недостоин столького.

Мы уже были навеселе, когда Жора попросил:

– Отиа, будь другом, прочти одно стихотворение.

Я прочел «Воробей и ласточка».

«Встретила весну ласточка в другом месте,

А у нас воробей замерз от холода...»

– Я как воробей, кроме Грузии нигде не могу жить, – сказал он и обнял меня.

Неожиданно около нас появились зурначи. Обняли Жору.

– Жора-джан! Мы видели твой танец «Багдадури» в «Кето и Котэ». Будь другом, порадуй нас! – попросили зурначи и начали играть.

Жора встал, взял белую салфетку, махнул ею, перекинул на плечо, расправил плечи, опустился на одно колено и вытянулся с грацией Гудиашвили. Казалось, что он сошел с фресок художника, танцую и извиваясь, словно лоза, на маленьком пяточке.

Зал рукоплескал в ритме звучащего доли, но никто не осмелился выйти в пару к Жоре.

Зал «Арагви» взорвался аплодисментами. Женщины оставили своих кавалеров и ринулись к Жоре, чтобы поцеловать его. Мужчины не ревновали, наоборот, они тоже бросились к нему с объятиями.

Наш стол бомбардировали бутылками шампанского от благодарных зрителей.

– Ну что, ребята, хорошая я для вас «приманка»? – смеялся Жора.

Зурначи заиграли русскую мелодию «Вишневый сад». Одна прекрасная женщина подошла к Жоре и попросила станцевать. Жора подскочил, поцеловал ей руку.

– Что делать, мальчики, я пошел, стыдно отказать. – И он пошел танцевать.

– Леки тебя выкрали из Ламискана, а женщины из «Арагви»! – крикнул я ему вслед. И мы вновь наполнили бокалы...»

13 апреля 1959 года произошла ужасная трагедия: на проспекте Плеханова около киностудии троллейбус сбил любимца грузинского народа Георгия

Надгробие на могиле Г. Шавгулидзе

Шавгулидзе. Не только семья, театр, но и вся Грузия была в трауре.

Отар Мампориа посвятил его памяти стихотворение «Ночь в Самадло».

Георгия Шавгулидзе похоронили в Дидубийском пантеоне писателей и общественных деятелей Грузии. На могиле стоит памятник, созданный его сыном скульптором Нукри Шавгулидзе. Сегодня Отар Мампориа покоится поблизости. Они снова вместе.

В 1996 году Общество «Руставели» издало книгу в двух частях известного писателя, киноведа, театроведа и общественного деятеля Акакия Бакрадзе «Тринадцать лет в кино» и «В мире масок». Я имела честь быть другом автора и редактором его нескольких книг. Я нашла воспоминание Акакия Бакрадзе и в заключение хочу представить его читателям. Акакий Бакрадзе в 1956-60 годы был редактором сценарного отдела на киностудии «Грузия-фильм».

Печальное интермеццо: предчувствие

«В 1959 году в марте две киногоруппы в Бакуриани снимали фильм «Приговор» Левана Хотивари и «Цветок на снегу» Шота Манагадзе. В «Приговоре» главную роль играл Георгий Шавгулидзе, а в фильме «Цветок на

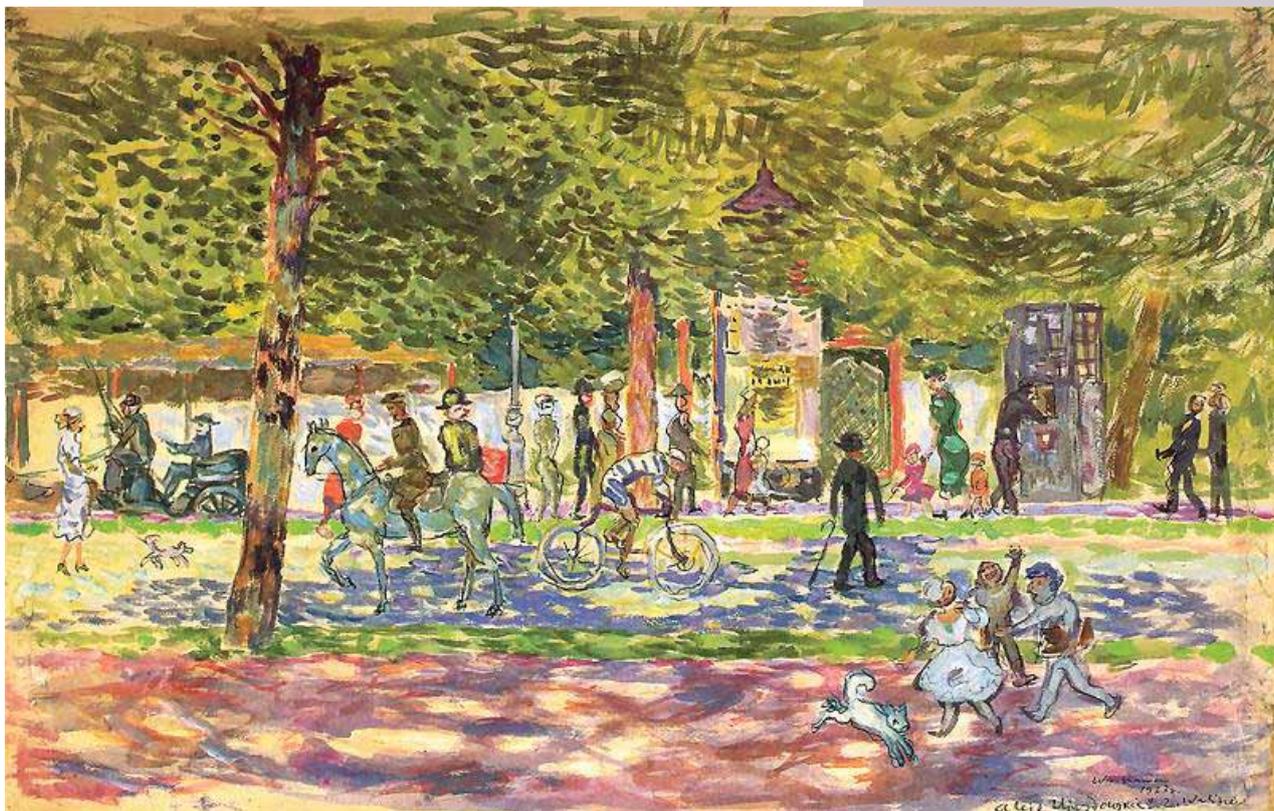
снегу» – Лео Антадзе.

Хорошо помню день 22 марта. Возвращались со съемок. Когда зашли в гостиницу, у лестницы Шота Манагадзе встретил Георгия Шавгулидзе, поприветствовали друг друга, поговорили. Шавгулидзе спросил, как работает Лео. Шота похвалил и выразил удовлетворение его игрой. Георгий Шавгулидзе обрадовался и как бы попросил: «Шота, присмотри за ним, он очень талантлив. Ему сейчас нужна помощь и поддержка, а мне для чего роль или внимание?!» Шота Манагадзе посмотрел на него с удивлением, наверно, подумал, актеру и не нужна роль? Такого не бывает. Георгий Шавгулидзе уловил удивленное выражение лица режиссера и грустным голосом добавил: «Да, мой Шота, мертвому человеку роль не нужна». Резко повернулся и ушел.

Шота Манагадзе некоторое время стоял пораженный, потом поднялся в свою комнату. Он никому ничего не сказал.

Через 22 дня 13 апреля на проспекте Плеханова идущего на киностудию Георгия Шавгулидзе сбил троллейбус.

Наверное, человек чувствует и знает, когда в его сердце поселяется смерть, но не знает, как этого избежать...»

3. Валишевский. Уздовская аллея

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Он – один из тех немногих художников, которые одинаково преуспели в различной манере письма, во многих стилях живописи. Он стал своим среди экспрессионистов и натуралистов, монументалистов и футуристов. Родившийся на берегах Невы поляк Зигмунд Валишевский шагнул в мир искусства с берегов Куры, из легендарного тифлисского авангарда первой четверти XX века. Став одним из создателей этого уникального явления в культуре Грузии и значительной фигурой в авангарде российском. А его сестра Валерия стала частицей истории русской литературы – жительница грузинской столицы, она связала свою жизнь с замечательным писателем, номинантом на Нобелевскую премию Константином Паустовским, вдохновив его на создание некоторых произведений.

Супруги Владимир и Михалина Валишевские, родители кото-

рых в 1860-х были высланы из Польши за антиправительственные выступления, жили в Санкт-Петербурге, где, несмотря на свою провинность, поселился отец главы семьи. Дело в том, что его брат был знаком с одним из великих князей, который решил бунтарю жить в любом городе за пределами Польши. Тот выбрал Питер и обзавелся там писчебумажным магазином. А вот его сын Владимир вынужден в 1903 году уехать с семьей из Петербурга.

Причина та же, что и у многих других жителей российской Северной столицы, переехавших в Грузию – врачи порекомендовали инженеру Путиловского завода Валишевскому из-за болезни сменить климат на южный. Семья поселяется в Батуми, но переезд не помогает – инженер вскоре умирает, и его вдова остается с дочкой Валерией и сыном Сигизмундом. Впрочем, ни так, ни сокращенным

польским вариантом Зыгмунт в Грузии его никто не зовет – все знали Зигу Валишевского. Будем так называть его и мы.

Мальчик с ранних лет увлекается рисованием, особенно ему нравится копировать старые гравюры. А в десять лет он уже появляется в детской художественной школе, основанной опытным преподавателем рисования Николаем Склифосовским. Первая сохранившаяся работа Зиги написана именно тогда, это – сделанная по памяти копия «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. Вот какое впечатление оказывает эта работа на Кирилла Зданевича, который, несмотря на пятилетнюю разницу в годах, станет другом Валишевского и его соратником по цеху:

«Николай Васильевич Склифосовский познакомил меня с Зигой и предложил посмотреть, как он скопировал «Тайную вечерю». Около высокого и грузного Н. В. робко стоял худенький

Z. Waliszewski

мальчик лет девяти-десяти, одетый в чистую курточку и короткие штанишки. «Надо быстрее удирать, ребенок не может копировать великого Леонардо», – мелькнула мысль, но Н.В., угадав мое желание, строго сказал: «Идем с нами». ... Во всю длину стены припилена бумага, и на ней изображено... Я не верю своим глазам, смотрю изумленный и обрадованный. Копия

Леонардо дышала одухотворенной жизнью, восхищала легкостью исполнения, уверенным твердым рисунком! С непринужденным мастерством были нарисованы лица, руки, фигуры, складки одежд, – все это, бесспорно, свидетельствовало о выдающемся таланте юного художника».

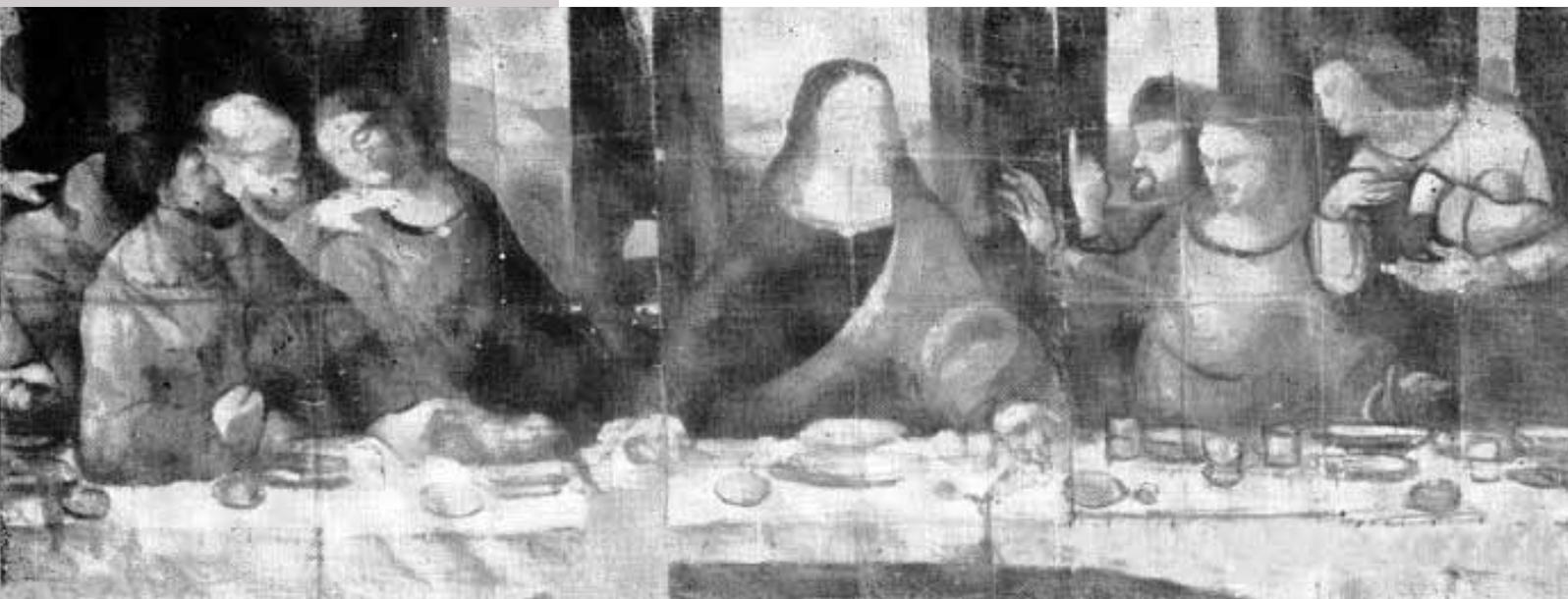
В 1908-м Склифосовский организует уже персональную выставку 11-летнего мальчика под «говорящим» названием «Чудо-ребенок». Успех этого вернисажа позволяет восхищенному преподавателю ходатайствовать о том, чтобы Зига продолжил дальнейшее образование бесплатно. Но этого мало. Склифосовский покровительствует семье Зиги, материально поддерживает ее, а когда его приглашают преподавать во 2-й Тифлисской женской гимназии, в 1909-м помогает перебраться в закавказскую столицу и Валишевским. И через три года Зига продолжает учебу в полномасштабной профессиональной художественной школе – на Курсах рисования и живописи, открытых Склифосовским в собственном доме на Елизаветинской (ныне – Цинамдзгвришвили) улице. Так под наблюдением и руководством талантливого педагога в подростке формируется художник. И дружба их продолжится на всю недолгую жизнь Валишевского.

Тем временем за окном – расцвет художественных экс-

периментов, бунтарства в искусстве, поиск новых форм творчества. В 1910-х Тифлис становится центром всего российского футуризма, вобрав все его элементы. И в 1912 году пятнадцатилетний Зига оказывается в компании молодых художников, объединившихся затем в футуристическую группу «41 градус». Им тесно в рамках реальности и академических правил, они ищут новые, ни на что не похожие средства выражения в живописи и поэзии, часто доходящие до заумности. Своим новым искусством публику эпатажируют, поддерживаемые художественной молодежью художники Ладо Гудиашвили, Давид Какабадзе, Кирилл Зданевич, поэты Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Кола Чернявский, Юрий Деген, Кара-Дервиш, Илья Зданевич, режиссер Игорь Терентьев. А Валишевский, несмотря на возраст, – один из главных заводил.

Под руководством Склифосовского и его выдающегося коллеги Бориса Фогеля он становится не только отличным рисовальщиком карандашом и тушью, но и хорошо работает гуашью, пастелью, маслом. «Он всегда был в творческом горении, – свидетельствует дочь его наставника Саломея Склифосовская, – его рука легко и непринужденно, необычайно талантливо фиксировала окружающий мир. Я не помню Зигу не рисующего. Болтая с нами и смеясь, он как бы мимоходом

3. Валишевский. Копия «Тайной вечери» Леонардо

3. Валишевский. Портрет Н.В. Склифосовского

делал бесчисленное количество рисунков. Здесь были и наброски, и острые карикатуры на нас и моментальные портреты с удивительным сходством. Впечатление было такое, что для него рисовать было так же необходимо и естественно, как птице петь».

По ее словам, окружающие Зигу запомнили его, «брызжущего весельем, всегда в приподнятом настроении, всегда с карандашом, пером или кистью, а то и просто со скрученной бумажкой, окунутой в краску, весело рисующим все, на чем останавливался его острый и точный глаз. Все служило ему материалом для работы – и чернила, и краски, и свекловичный сок, обрывки старой афиши и картон». А еще именно с Валишевским связано открытие творчества гениального самоучки Нико Пиросмани. Это происходит сразу после того, как Зига в 1912 году оказывается в эпицентре авангардных течений.

Увидев, что нарисовано на клеенках в духанах, Зига вместе с братьями Зданевичами, художниками Ладом Гудиашвили, Михаилом Чиаурели, Михаилом Ле-Дантю и Морисом Фаббри, поэтами Колау Чернявским и Кара-Дервишем начинает поиски других работ Пиросмани. Для записи о том, как идут эти поиски, он даже заводит специ-

альную тетрадь. И именно Зига в глубоком подвале-духане находит такие шедевры, как «Фуникулер» и «Медведь под луной». А творчество Пиросмани влияет на него так, что он тоже стремится к контрастным, ярким цветам, лаконичным композициям. Он даже отправляется за впечатлениями о природе в труднодоступную тогда Сванетию. И когда в 1915 году устраивается выставка его плакатов, в них четко видно влияние Нико.

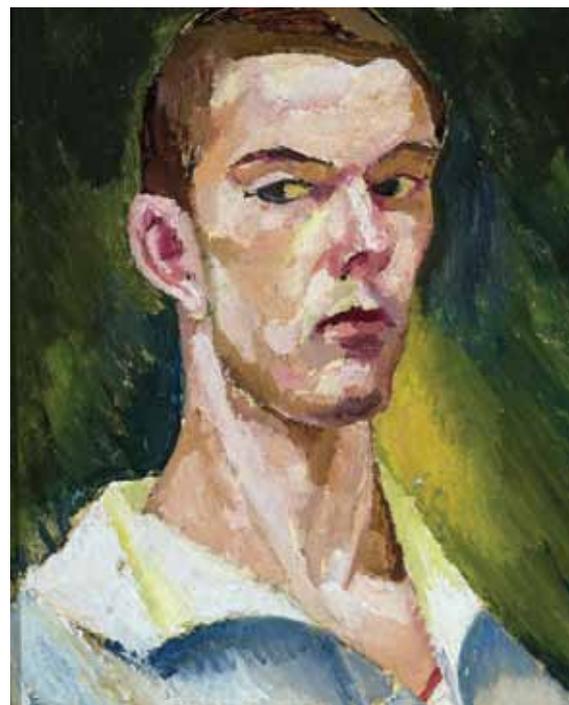
Оценку этой выставке дает в газете «Кавказ» авторитетный график Александр Петроковский: «Что талант этого юноши незауряден, об этом достаточно убедительно говорят его плакаты. Такому плакату, как «Пьеретта», место прямо в декоративном музее. Этот плакат заставил вспомнить Тулуз-Лотрека и с первого взгляда мог показаться афишей этого мастера... Прекрасен основной большой плакат, дающий тон всему залу, исполненный несколько в японском жанре, с надписью из Козьмы Пруткова «Бди», заимствованной из «Бродячей собаки». Скажу прямо: ни одна из тифлиссских выставок не дала подобного ощущения бодрости и радости для души и глаза, не обнаружила столько живой красоты и солнечности».

Но на лаврах после этого вернисажа Зига почивает не

долго – в том же году вместе с другом Кириллом Зданевичем отправляется на фронт. Служит в первом Кавказском стрелковом полку вольноопределяющимся, то есть добровольцем, имеющим определенное образование и пользующимся определенными льготами. Воюет далеко от дома, на Северо-Западном фронте, под Двинском (ныне – Даугавпилс), но воюет всего лишь год. Его отправляют домой с потрясающей формулировкой: «Ввиду исключительной ценности как художника». Вы можете представить себе такое в наше время? Справедливость этой оценки Валишевский доказывает привезенной с фронта серией портретов однополчан. Константин Паустовский утверждал, что она «могла бы затмить своей естественностью и простотой знаменитую галерею героев 1812 года в Эрмитаже». А Борис Фогель вспоминает, что Зига показывал и фотографию, сделанную с коллективного портрета «чуть ли не сотни портретов офицеров и генералов, сидящих за столом», когда на фронт приехал великий князь Николай Николаевич. Фогель называет рисунок изумительным.

После фронта – снова круговерть авангардизма, пять лет, насыщенных знаменательными событиями. В полуподвале быв-

3. Валишевский. Автопортрет. 1914

Зига (слева) с Кириллом Зданевичем. 1916

шей столярной мастерской во дворе дома №12 по Головинскому (ныне – Руставели) проспекту Зига и его друзья-футуристы расписывают фантазмагориями стены и потолок узкой комнаты. Сначала здесь располагается «Студия поэтов», а потом – знаменитый «Фантастический кабачок». Современники описывают его как «пестро-расписанную комнату, которая едва вмещает 40 человек и ежедневно привлекает довольно интимную компанию артистов всех видов искусства». Следом в бывшем офицерском собрании, будущем Доме офицеров ЗакВО на том же проспекте, авангардисты расписывают еще один подвальныйчик, умело сочетая принятые традиции со смелыми экспериментами, и создают театр-студию «Ладья аргонавтов». Зига – вновь одно из главных действующих лиц. Остатки этой росписи можно было увидеть еще в начале XXI века. До тех пор, пока безграмотные вандалы, ставшие очередными владельцами помещения, не повелели закрасить стены...

Подвальчики – аналоги парижской «Ротонды» и петербургской «Бродячей собаки», в 1917-1919 годах их всегда таи – не только грузинские, но и русские новаторы: художники, литераторы, актеры. Ведь,

как пишет английский журналист Карл Бехофер Робертс, в послереволюционные годы он увидел в Тифлисе «все, что осталось от русского общества: поэтов и художников из Петрограда и Москвы, философов, теософов, танцоров, певцов, актеров и актрис». Знаковые фигуры российского символизма, акмеизма, футуризма и других художественных направлений бегут в Грузию от советской власти, ужасов Гражданской войны. И создают литературные группы, издательства, кафе. Так что Валишевский творит уже в компании режиссера Николая Евреинова, художника Сергея Судейкина, поэтов Осипа Мандельштама и Василия Каменского, других, говоря современным языком, «понаехавших». И, конечно, рядом – Тициан, Паоло, братья Зданевичи, скульптор Яков Николадзе, поэт Григор Робакидзе...

Открыв газету «Тифлисский листок» №226 за декабрь 1918 года, мы можем прочесть впечатление поэта Юрия Дегена о «Ладье аргонавтов». А уж этот член литературного объединения «Цех поэтов», на петербургской квартире которого познакомились Маяковский и Есенин, знает толк в богемных заведениях:

«Именно такого учреждения, проникнутого богемным искусством, начиная со сцены

и стенной живописи кончая маленькими чашечками, в которых вам подают черный кофе, недоставало многим тифлисцам. Только на этой неделе спустился я впервые по широкой лестнице, затянутой мягким войлоком, в пестрый «трюм» «Ладья аргонавтов» и, кажется, попал на один из наиболее интересных вечеров, устроенных в нем... Невольно приходится удивляться, насколько шагнул вперед в отношении художественного развития Тифлис. Весь этот вечер, не будь некоторой некультурности публики, позволявшей себе разговаривать во время действия, производил впечатление вполне столичное, как в смысле качества произведений, шедших на сцене, превосходных декораций Кирилла Зданевича и подбора исполнителей, так и в смысле общего настроения, царившего весь вечер в «Ладье».

В расписанных Зигой со товарищи «Фантастическом кабачке» и «Ладье аргонавтов» выступают поэты-символисты из группировки «Голубые роги» и из журнала «АРС», литераторы из самых левых группировок «41 градус», «Синдикат футуристов», «Футурвсеучбище»... Сам Валишевский участвует здесь в диспутах о русском и итальянском футуризме, знакомится с приехавшим из Крыма петроградцем Сергеем Судейкиным. И влияние этого видного пред-

3. Валишевский. Шарж на подвыпивших Т. Табидзе и П. Яшвили

3. Валишевский. Мэрия Тифлиса

ставителя художественного объединения «Мир искусства» сказывается на работах Зиги – они становятся намного изящнее. А когда авангардисты начинают оформлять свой очередной приют, Судейкин уже рядом с ними.

В подвальном этаже нынешнего Театра имени Руставели единомышленники создают легендарное поэтическое кафе «Химериони». И одна его стена украшена работами Зиги – портретами друзей, сделанными в фантастическом стиле и вписанными в медальоны. Пишет он для кафе и композиции на грузинские темы. Благодаря Валишевскому и его соратникам, представители грузинского и русского искусства получают возможность несколько лет встречаться в уютной атмосфере «Химериони», обсуждать за застольями творческие проблемы, свое место в искусстве. «Наверно, во всем мире не сыскать кафе, расписанного с таким вдохновением. Многие превосходные художники восхищались нашим кафе», – с гордостью сообщал один из создателей

«Химериони» Тициан Табидзе.

А у Зиги – расцвет творчества в живописи и в графике: портреты, пейзажи, зарисовки, плакаты, карикатуры... Успешно пробует он силы и в только еще утверждающемся у авангардистов жанре – эскизе театрального костюма. Он иллюстрирует книги, организует диспуты и лекции, выигрывает конкурс на оформление занавеса для Театра оперы и балета, изобразив всадника, устремившегося к алому солнцу. К сожалению, в облик занавеса этот проект не воплощается. В 1920-м восторженных зрителей собирает персональная выставка Валишевского, причем один из них делает предложение, от которого трудно отказаться. Титус Филипович, посол Польши в Грузии, предлагает продолжить обучение в Краковской Акаде-

мии изящных искусств.

Так заканчивается тифлисский период жизни Валишевского, самый плодотворный, яркий и разнообразный в его творчестве. Период авангардной юности и исканий, талантливых богемных друзей и творческого становления. Прямо скажем, уезжает он вовремя. Уезжает в 1921 году, еще до вторжения Красной армии в Грузию, после которого заканчивается золотая пора авангардной вольницы в Тифлисе. На историческую, как говорится, родину он попадает через Константинополь – тогда это был более легкий путь, чем через Европу. Осенью 1921-го года он добирается до Варшавы, а в следующем году в Краковской Академии художеств появляется студент Валишевский. Здесь он уже Зыгмунт, но мы

3. Валишевский. Женская гимназия в Тифлисе

С. Судейкин. Автопортрет

по-прежнему будем звать его на тифлиссский лад – Зигой.

Учится он у почитателя постимпрессионизма Йозефа Панкевича и одного из крупнейших польских модернистов Войцеха Вейса. Так что, можно понять, каким направлениям Зига отдает предпочтение. Не только талант, но и огромный опыт бурлящей творческой жизни грузинской столицы с ее литературными группировками и кафе, авангардом в живописи и литературе помогают ему оказаться в лидерах художественной молодежи Польши. Он организует объединение «Комитет Парижский», и его единомышленников сокращенно называют «капистами».

Из названия объединения не трудно понять, куда влечет Валишевского. Признанием в Польше его таланта становится пусть небольшая, но все-таки стипендия, назначенная Краковской Академией. Это позволяет Зиге в 1924-м отправиться в Париж. А на следующий год Й. Панкевич добивается открытия в столице Франции филиала Краковской Академии, руководит им, и Валишевский уже официально продолжает учебу в «Мекке художников». Он изучает и замечательно копирует картины старых мастеров, много работает на пленере, самозабвенно пишет пейзажи, портреты, на-

турморти. Его работы, которые становятся более экспрессивными и жесткими, часто и успешно выставляются на различных вернисажах.

Парижский период длится шесть лет. Увы, они включают в себя не только успехи, но и страшный удар судьбы – болезнь Бюргера, хроническое заболевание кровеносных сосудов. Художнику одну за другой ампутируют ноги. В 1931-м, уже признанным классиком польской живописи, Валишевский возвращается в Краков. Но инвалид он лишь физически, его силе духа и творческому настрою можно позавидовать. Он продолжает писать яркие, полные оптимизма картины. За красочные натюрморт и картину «Пир» его дважды награждают в престижном польском Зимнем Салоне, он получает приз на XIX Международной выставке искусств в Венеции.

Вот так и живет Зига полноценной жизнью, женится на оперной певице, блистает на выставках, берется за дело, ответственнейшее и сложнейшее даже для полностью здорового человека – расписывает плафон в символе Польши, кафедральном соборе Святых Станислава и Вацлава. Там – усыпальницы большинства польских средневековых королей, двух крупнейших национальных поэтов Адама Мицкевича и Юлиуша Словацкого. Этот собор еще называют Вавельским из-за того, что он стоит на холме Вавель. Иначе, как подвигом, и не назовешь то, что делает Зига. Его в люльке поднимают на лебедке под своды, и он весь день работает, лежа на спине.

Однако награду за этот подвиг и за все, что он сделал для польского искусства, Валишевский получить не успевает. Он удостоивается Офицерского Креста второй по значимости государственной награды – Ордена Возрождения Польши, который вручается «за выдающиеся заслуги в военной и гражданской сферах». Но за пару месяцев до 39-летия сердечный приступ уносит жизнь этого человека, стремившегося и умевшего выявить романтические черты в любом художественном течении.

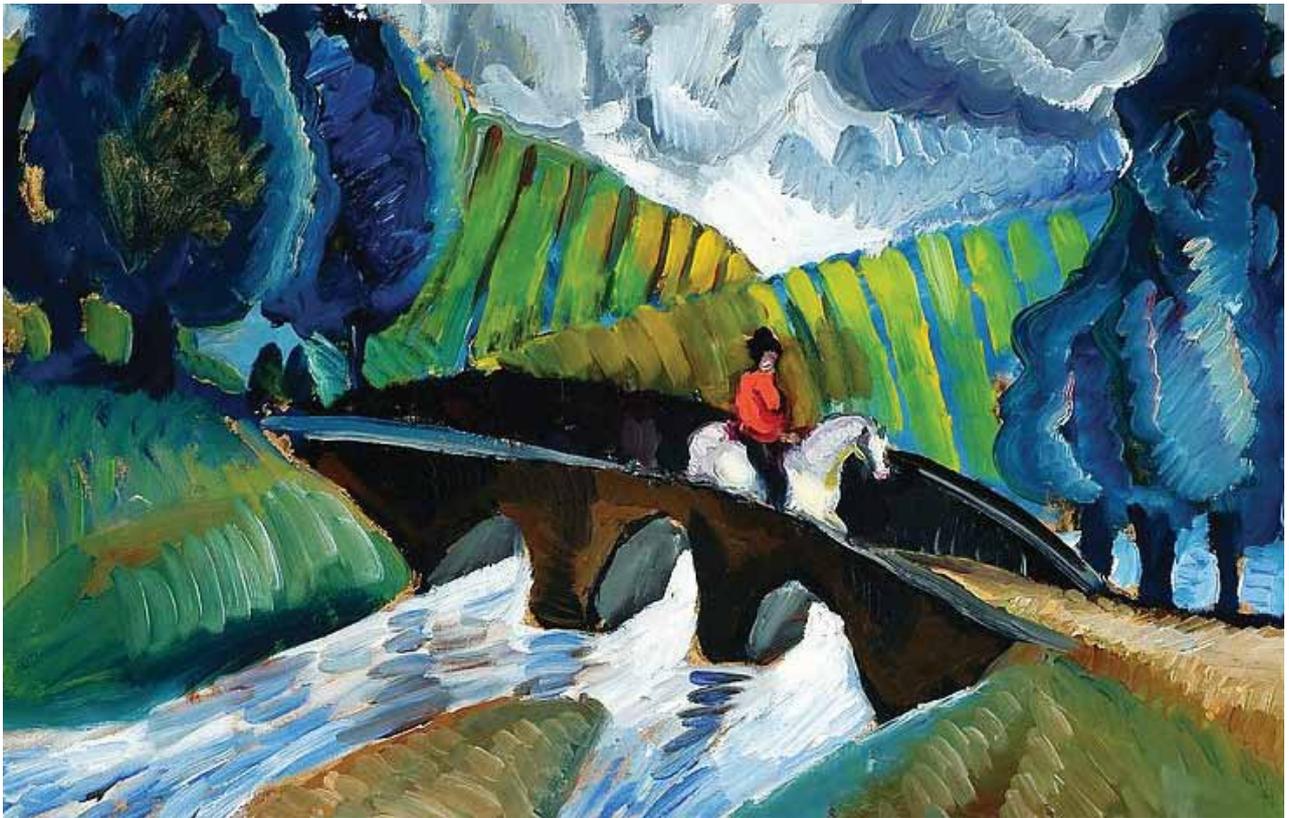
«Он любил только живопись,

знал только живопись, рассматривал все жизненные события как художник и верил, что только искусство способно преобразить и украсить мир. Он был художником-рыцарем, подвижником и неумолимо требовательным к себе и к другим, зрелым и ясным мастером. Он был скромным, прост, добр к людям и жестоко изуродован, – вспоминал Константин Паустовский. – ...Он стал любовью молодой художественной Польши. Он никогда не пытался загнать красоту в свой собственный угол, в свою теоретическую сеть. Он находил ее, приветствовал и склонялся перед ней всюду, где она существовала. Широта его художественных взглядов была необычайна... Я видел много работ Валишевского. Это было сильно выражено и выполнено (другого определения я не нахожу) волшебной кистью и волшебным карандашом... Все это ошеломляло и казалось тем удивительнее, что тут же рядом, с автопортрета смотрел на вас худой, высокий и юный человек, почти мальчик, с серыми застенчивыми глазами».

Автор этих слов строк хорошо знаком и с Кириллом Зданевичем, и картинами Зиги, к тому же, он и сам – часть семьи Ва-

3. Валишевский. Автопортрет в цилиндре. 1920

3. Валишевский. Амазонка

лишевских: женится на сестре художника Валерии. «По натуре она была свободным художником. Очень красивая, высокого роста, с темно-русыми волосами, подстриженными коротко, с челкой и завитком, заходящим на щеку, одетая почти всегда ярко – она была видна издалека. На нее все обращали внимание. Ее уверенная манера держаться, ласковая, кошачья повадка, ее польское «Л», очарование, шарм безотказно действовали на мужчин», – так вспоминает эту женщину племянница Зданевичей Аэлла Гамаюнова-Мрозовская.

Валерия на год старше Зиги, в 1915-м, в девятнадцать лет она выходит замуж за Кирилла Зданевича, приехавшего с фронта. Через два года у них рождается сын, заботу о котором полностью берет на себя мать Кирилла, имеретинка Вера Гамкрелидзе, пианистка, ученица Петра Чайковского. Вскоре супруги разводятся, но Валерия продолжает жить в доме бывшего мужа в Кирпичном переулке, 13 (ныне – улица Бакрадзе) в районе Верэ. Со свекровью у нее замечательные отношения – та и сына ей растит как истинная грузинская бабушка, и весьма терпима к

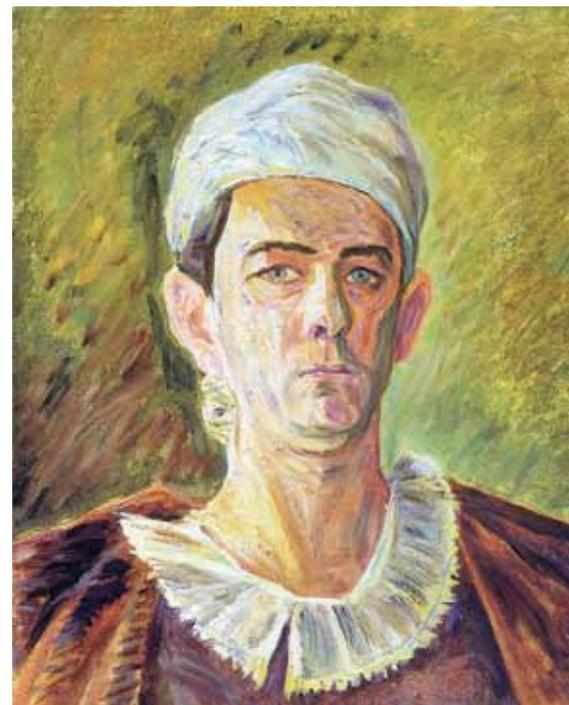
«свободному образу» жизни невестки: «Я могла прийти в три часа ночи, и меня никто не спросит, откуда и почему». У Валерии – ни профессии, ни постоянных занятий, она то преподает в школе, то работает корректором, но больше всего ей по сердцу образ свободного художника.

В доме Зданевичей и встречает ее Паустовский, поселившийся там во время приезда в Тифлис в 1922 году. В романе «Бросок на юг» он выводит ее под именем Марии: «Молодая женщина, с бледным, как бы от сдержанного волнения, немного надменным лицом, совершенно прозрачными зелеными глазами и яркими, смеющимися губами... Мария порывисто встала и протянула мне руку. Звякнул браслет. Она усмехнулась, глядя мне в глаза. И вдруг, будто без всякой надобности, нервно и быстро оглянулась: за ее спиной висел на стене ее портрет, написанный броско и вместе с тем нежно... Тот самый портрет, что представлен на выставке, и та самая зеленоглазая Валерия! А за ее спиной – картина Пиросмани. Иначе и не могло быть: все стены в доме Зданевичей были увешаны его работами. А вот и «задник» портрета Валерии – картина Пиросмани «Сидящий

желтый лев».

И еще воспоминание, после которого комментарии, как говорится, излишни: «Мария стала моим проводником по Тифлису... Эту жизнь целомудренно и молча разделяла со мной молодая женщина. Все в Тифлисе приобрело для меня цену и значение. Часто у меня появля-

3. Валишевский. Автопортрет, сделанный незадолго до смерти

лось странное чувство, что весь этот жаркий город и весь этот шумный азиатский люд только декорация для немногословной и грустной пьесы, в которой участвуют всего только два действующих лица – Мария и я... Мы ни слова не сказали о любви. Между нами все время лежала тонкая и непрочная нить, перейти которую никто из нас не решался...»

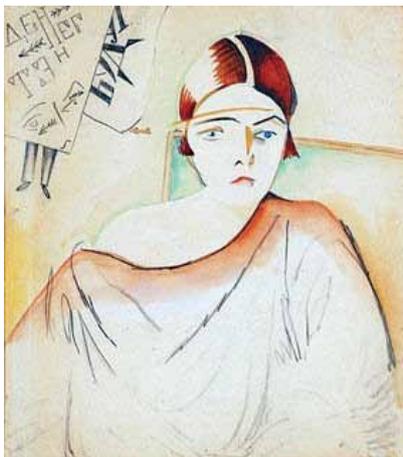
Роман длится недолго, в 1923-м Константин уезжает, и вскоре Валерия знакомится с ученым-ботаником Михаилом Навашиным. Тот женат второй раз, но их так тянет друг к другу, что Михаил покидает молодую жену и увозит Валерию в Москву, где она растит его сына от первого брака Сергея. А оттуда, в 1928-м, по Рокфеллеровской стипендии – в Северо-Американские Соединенные Штаты,

Кирилл Зданевич и Валерия Валишевская. 1913

как тогда в России называют США. Навашин защищает в Калифорнийском университете докторскую диссертацию, а среди друзей, появившихся у Валерии, – дочь Джека Лондона. Поистине можно позавидовать человеку, в жизни которого были такие друзья, как у нее!

А по возвращении – вновь встреча с Паустовским, на семейном празднике у общих друзей. К тому времени Валерия уже замечает, что за ее мужем

К. Зданевич. Портрет Валерии Валишевской

«приударяет» его сослуживица. А тут – появление Паустовского... Так возрождается тифлисский роман. Правда, женитьбой он завершается не скоро, лишь в 1936-м году, когда оба разрывают прежние супружеские отношения. Валерия навсегда забирает у Навашина его сына Сергея и живет с Паустовским насыщенной жизнью спутницы писателя. Она совершает интересные поездки, встречается с разными людьми, вдохновляет любимого человека. И не только вдохновляет – у нее отличный художественный вкус, она любит и понимает литературу, так что она еще и помогает править тексты, дает дельные советы. А как она гордится тем, что ей посвящаются рассказы!

Они много путешествуют по стране, и за это время Паустовский пишет «Северную повесть», «Мещерскую сторону», «Желтый свет», «Телеграмму», «Ручьи, где плещется форель», «Корзину с еловыми шишками»... Он выполняет ее настойчивые просьбы писать воспоминания, и когда выходят «Далекие годы», на подаренном ей экземпляре – надпись: «Вот тебе книга, которую ты меня уговорила писать».

В октябре 1941-го, проведив на фронт корреспондента ТАСС, интенданта 2 ранга (подполковника) Паустовского, Валерия и ее пасынок Сергей собирают все рукописи писателя, упаковывают их в огромный тюк, пишут на нем «Архив Паустовского» и на детской коляске (!) отвозят его в Публичную библиотеку. Оттуда его эвакуируют вместе с други-

ми писательскими документами. Делается это вовремя – вскоре в квартиру Паустовских попадает фугасная бомба...

Прожили Валерия с Константином до 1948 года, когда он ушел к Татьяне Евтеевой-Арбузовой. Та развелась с драматургом Алексеем Арбузовым, посвятившим ей популярную пьесу «Таня». Паустовский оставил Валерии квартиру в писательском доме в Лаврушинском переулке, описанном Михаилом Булгаковым в «Мастере и Маргарите». Оставил дачу в Переделкино. Забрал только пишущую машинку «Континенталь». Разошлись они мирно. Валерия хранила в квартире свыше 100 работ своего брата. Большинство из них она дарит в 1963-м Национальной галерее в Варшаве.

Вот такие жизни прожили брат и сестра Валишевские, и каждый по-своему внес вклад в искусство XX века. В Кракове есть дом-музей Зиги, тбилисские улицы носят имена его друзей по авангардной молодости, Имени Валишевского в топонимике

К. Паустовский и Валерия Валишевская. 1940-е гг.

грузинской столицы нет. Правда, в 2019 году в Тбилиси прошла церемония награждения «лучшего грузинского современного художника» призом имени Валишевского. Награда учреждена Польским институтом в Грузии и будет вручаться каждые два года. Номинантов определяли польские искусствоведы. Так может, в увековечении в Грузии памяти Валишевского лед тронулся?

Э. Амашукели. Памятник Вахтангу Горгасали

«ЗДЕСЬ БУДЕТ ПАМЯТНИК ПОЭТУ ВОЗВЕДЕН...»

■ **Бадри КУТАТЕЛАДЗЕ**

Перевод с грузинского **Нины ШАДУРИ**

Бадри Кутателадзе родился 28 марта 1949 года в Мартвили. Окончил Тбилисский государственный педагогический университет им. Сулхан-Саба Орбелиани. Писательское «крещение» Б. Кутателадзе состоялось в 1976 году. С тех пор его произведения систематически публикуются в грузинской периодике, выходят отдельными книгами, переведены на русский, турецкий, армянский и азербайджанский языки. Более 35 лет он достойно служит делу сохранения и развития грузинской культуры в столице. В настоящее время руководит Дидубийским пантеоном грузинских писателей и общественных деятелей. Член правления Союза писателей Грузии. Лауреат Государственной премии Грузии, премий им. Ильи Чавчавадзе, Галактиона Табидзе и Нико Николадзе, кавалер ордена Чести, обладатель медали «Попечитель грузинской культуры», звания «Рыцарь культуры». Награжден памятной медалью Папы Римского.

История грузинского народа – это пример национальной самобытности, отваги, одаренности, человеколюбия, «стойкости, обретенной в горестях», говоря словами Руставели, и борьбы за лучшее будущее. В жизни нашего народа с трудом отыщется хотя бы несколько лет безоблачного спокойствия и радости. Но и в тяжелые времена грузины не сидели сложа руки. Они создавали непревзойденные шедевры литературы и искусства, возводили храмы и крепости, вели просветительскую деятельность.

Распространение христианства в Грузии положило основу формированию нового мировосприятия, строительству христианских сооружений. В храмах, монастырях и церквях появляются мозаика, фресковая живопись.

В переходе к новому формату в скульптуре большим подспорьем стали накопленные традиции работы над малыми скульптурными формами в дохристианский период. Многочисленные археологические находки, обнаруженные на территории Грузии, дают возможность проследить картину непрерывного развития бронзо-

Никорцминда

вой пластики на значительном отрезке времени, начиная от первого тысячелетия до н.э. и заканчивая III-IV веками н.э.

По данным на сегодняшний день, самой древней христианской скульптурой Грузии является фигурная композиция, изображенная на фасаде Болнисского Сиона (478-493 гг.).

Среди фасадных украшений на церквях древнего периода особое место занимают изображения людей. В этом смысле заслуживает внимания базилика Анчисхати (VI в.) в Тбилиси, на западной стороне которой, частично сохранился фрагмент сюжета «Вознесение Господне».

В VI-VII вв. грузинская архитектура входит в период своего художественного расцвета.

В строительстве церковных сооружений, наряду с другими обязательными компонентами, особое место занимают фигурные изображения на фасадах.

В развитии национальной архитектуры и скульптуры велика роль монастыря Джвари (VI в.). Среди памятников VII века фасадными украшениями выделяются Атенский Сион, а также монастыри в Мартвили и Цроми.

В VIII-IX веках нашествие арабов в Грузию значительно ослабили темп и качество монастырского зодчества. В этот период уделяется меньше вни-

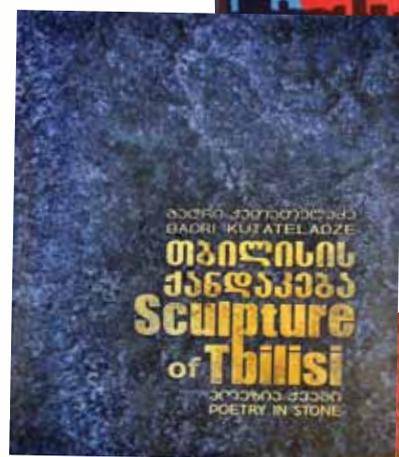
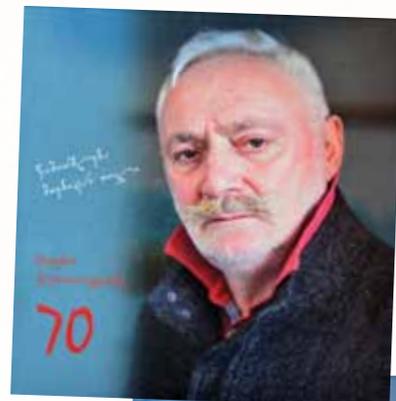
мания фасадным украшениям церквей и декоративному оформлению монастырских сооружений.

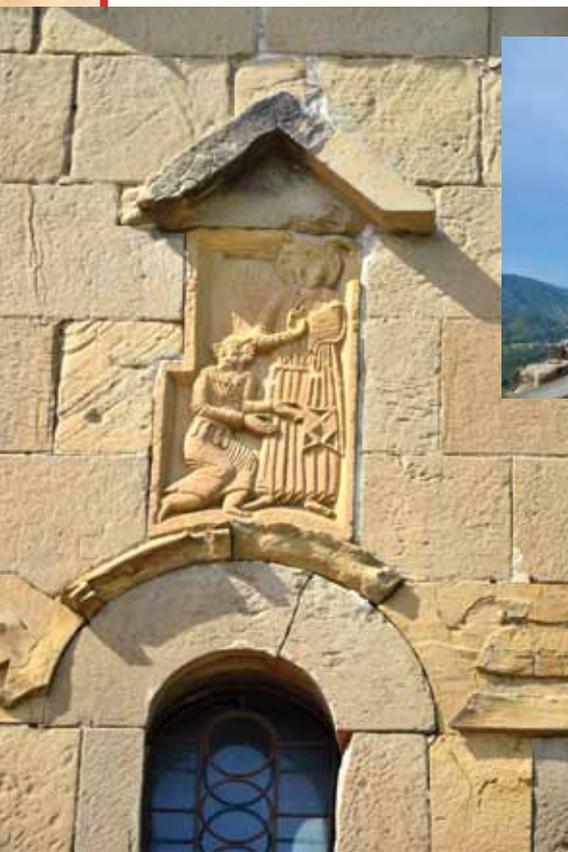
Объединение разрозненных княжеств во второй половине X века и в XI веке способствовало тому, что зодческое дело начало расширяться. Особое внимание уделялось как архитектурному оформлению интерьеров, так и барельефному украшению фасадов.

В XI-XII веках Грузинское царство представляло собой единое мощное государство. Его экономические и военнополитические достижения были очень велики, что оказало позитивное воздействие на культурную жизнь страны. Творческая деятельность в различных уголках Грузии ведется с завидным упорством. Создаются шедевры грузинского зодчества – Светицховели, Никорцминда, Самтависи. Помимо орнамента, храмы также украшают фигурным рельефом и изображениями животных религиозно-культурного значения. Наряду с образами реальных животных встречаются и фантастические, связанные со старинными традициями и народными верованиями.

В развитии грузинской скульптуры средних веков значительное место занимает фигурный рельеф храма Никорцминда. По сравнению с предыдущими

периодами фасад этого храма более богат орнаментальной резьбой. Красота Никорцминда, его гармония, высокое искусство резьбы по камню вдохновили великого грузинского поэта Галактиона Табидзе на такие строки:

Барельеф на стене храма Джвари

Что за бесценный завет
Был нам оставлен веками!
И безграничен свет,
И гармоничен камень.
Кто же над миром вознес
Граней суровый тес,
Вытесал твой утес,
Тебя, Никорцминда?..
Здесь твой грузинский взгляд,
Пьющий простор, всемирен,
Заревом красок богат...
Крылья прорстер Сирин!
Крыльев бы, крыльев нам,
Силы — живым крылам,
Правь же пространством, храм,
Цари, Никорцминда!

(Перевод М. Синельникова)

С XI века орнаментальный декор почти целиком сопровождается барельефы на религиозные сюжетны. К сожалению, в последующие века подобного подъема искусства скульптуры не наблюдалось.

Несмотря на многовековую историю, в грузинском христианском искусстве не существовало традиции установки круглых скульптур.

Много горя и испытаний выпало на долю Тбилиси. Со дня его освящения как столицы в VI веке и до 1795 года он перенес

Джвари

не одно вражеское вторжение. Но стремление к независимости было настолько велико, что никакие страхи, разорения и предательства не смогли его поколебать.

По данным истории градостроительства расцвет Тбилиси приходится на вторую половину XIX века и первую четверть XX века. В укладе жизни тбилисцев утверждаются европейские обычаи и привычки. Интенсивно осуществляется возведение сооружений, имеющих жилищное и общественное предназначение. В строительстве зданий особое место занимает украшение фасадов резьбой и рельефами.

Не было возведено практически ни одного строения, фасад которого не украшал бы художественный элемент.

Исходя из своей толерантности, грузины на первый план всегда ставят уважительное отношение к представителям других народов. В этом проявляется их стремление к гуманистическим идеям. Для людей различного вероисповедания в Тбилиси есть храмы, мечети, синагоги, молельные дома.

Вторая половина XIX века примечательна еще и тем, что 25 марта 1867 года в Тбилиси, и не только в Тбилиси, но и на всем Кавказе, был установлен первый памятник генерал-фельдмаршалу, царскому наместнику (1845-1854) Михаилу Воронцову. Его установили по ту сторону моста через Мтквари, в строительстве которого большую роль сыграл сам М.С. Воронцов. В знак уважения к наместнику мост назвали Михайловским, а площадь — Воронцовской (ныне площадь

Саарбрюкена). На создание памятника император выделил из своей казны 3 тысячи рублей, а Великие князья — 2 тысячи рублей. Народные пожертвования составили сумму в 36 104 рублей 44 копейки. Известный русский скульптор Николай Пименов (1812-1864 гг.) приступил к работе над памятником в 1860 году. Он успел создать лишь эскиз. В 1864 году Н. Пименов скончался. Работу продолжил его ученик Н. Крейтан — он трудился под наблюдением Совета Петербургской художественной академии.

В 1866 году бронзовый памятник М. Воронцову морем доставили из Петербурга в Поты. Пьедестал был создан архитектором, академиком О. Симонсоном (1832-1914 гг.) из алгетского камня.

В 1859 году по проекту архитектора О. Симонсона в Тбилиси началось строительство Александровского сада (ныне сад имени 9 апреля); в 1865-1869 гг. по его же проекту осуществлялась реконструкция здания резиденции Кавказского наместника (с 1845 г.) (ныне — Дворец учащейся молодежи) и др.

Сохранившиеся фотоматериалы дают нам возможность утверждать, что памятник Воронцову был лучшим образцом петербургской художественной школы, ее великих традиций. В 1922 году, после установления в Грузии советской власти, памятник был снесен.

Интересна история установки в Тбилиси памятника великому русскому поэту А.С. Пушкину. В архивных материалах читаем: «Полицмейстер Тифлиса Л. Россинский внес в городскую управу 2281 рубль 0,5 копеек, собранные по подписке от частных лиц на памятник А. Пушкину, а также выразил желание, чтобы памятник был установлен в сквере на Эриванской площади (ныне площадь Свободы), а скверу было бы присвоено имя Пушкина».

Указ об установке памятника был издан 14 марта 1891 года, но правительство не выделило на это денежных средств. Для оплаты работ использовались народные пожертвования. Отливка памятника была осуществлена в бронзе по модели,

созданной Ф. Ходоровичем. Высота составляла «один аршин и 8 вершков». Пьедестал был изготовлен из красного и серого кутаисского камня. Общая высота памятника составила 4 аршина и 2 вершка.

25 мая 1892 года в торжественной обстановке состоялось открытие памятника А.С. Пушкину. Это был первый памятник поэту в Тбилиси и на всем Закавказье и пятый в Российской империи – после Москвы, Петербурга, Кишинева и Одессы.

С наступлением XX века в стране началась подготовка к празднованию 100-летия со дня рождения великого русского писателя Николая Гоголя.

Юбилей должны были отмечать в 1909 году. Но уже в 1904 году по инициативе скульптора Ф. Ходоровича и при поддержке городской управы в Тбилиси открыли памятник Н. Гоголю.

В обоих памятниках чувствовалось высокое мастерство ваятеля, его утонченный вкус и профессионализм.

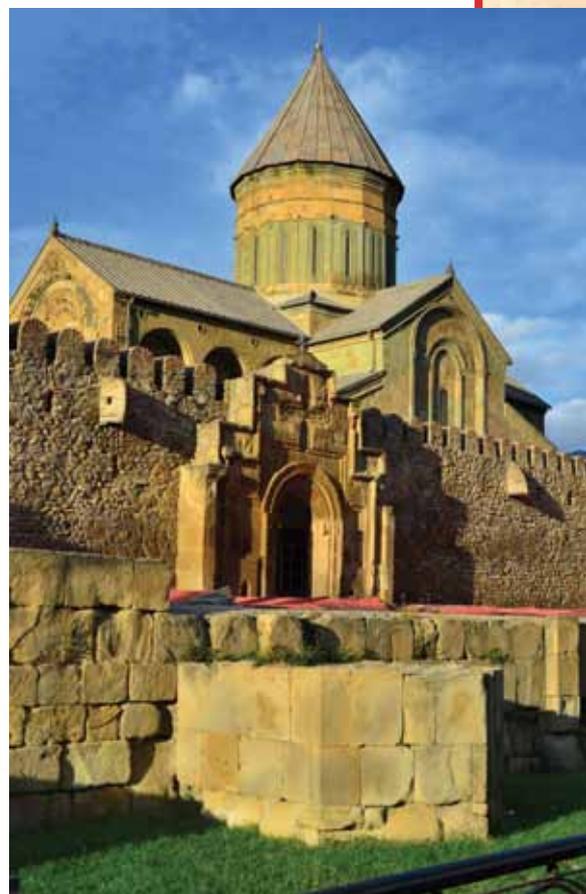
По данным Центрального исторического архива Грузии, Феликс Ходорович родился в деревне Буда Могилевской губернии (Беларусь). На Кавказ Феликс и его брат Павел прибыли в середине 1880-х годов. Оба брата окончили училище живописи и ваяния. Помимо

Барельефы на стене храма Светицховели

памятников Пушкину и Гоголю скульптор Ф. Ходорович создал памятники Давиду Эристави и Димитрию Кипиани, которые украшают Пантеон грузинских писателей и общественных деятелей на Мтацминда. 8 сентября 1907 года по время прощания с великим Ильей Чавчавадзе в Сионском соборе Ф. Ходорович снял посмертную маску Ильи и слепок с его правой руки.

Со второй половины XIX века в Тбилиси, наряду с другими положительными сдвигами, начинается подъем изобразительного искусства. Намечаются пути развития этого жанра, растет

Светицховели

интерес к нему. В 1873 году художники, обосновавшиеся в Тбилиси, основали Тбилисское художественное общество. А в 1877 году, в результате слияния музыкального и художественного обществ, появилось Кавказское общество поощрения изящных искусств.

В 80-е годы XIX века в Тбилиси действуют частные курсы рисования, а в 1901 году откры-

Болнисский Сиони

Н. Пименов, Н. Крейтан. Памятник М. Воронцова

ваются первая школа скульптуры и живописи. Начиная с последнего десятилетия XIX века, уже систематически проводятся художественные выставки, в которых поначалу принимают участие только приезжие, а затем и грузинские художники.

Э. Амашукели. Мать-Грузия

В 20-е годы XX века грузинское искусство скульптуры (круглая скульптура) встает на путь своего подъема и расцвета

Велика заслуга в этом выдающегося сына отечества, основателя школы грузинской скульптуры, народного художника Грузии Якова Николадзе (1876-1951 гг.). Он родился в Кутаиси, в семье Иванэ Николадзе, мастера художественной обработки гагата. Окончил Батумское ремесленное училище, затем учился в Строгановском училище в Москве и художественной школе в Одессе. С целью углубления образования Николадзе отправляется во Францию и Италию. В Париже он учится у известных французских скульпторов А. Фальгьера и А. Мерсье. Решающую роль в его творчестве сыграла встреча с Роденом, в мастерской которого Николадзе проработал в течение года. Великий французский скульптор Огюст Роден так говорил своим молодым коллегам: «Искусство начинается там, где есть внутренняя правда». Всем своим творчеством Яков Николадзе явил нам служение этому наказу. По возвращении на родину он начинает активную творческую деятельность.

В 1908 году Общество по распространению грамотности заказывает молодому худож-

нику памятник великому Илье. В 1913 году он был установлен на Мтацминда (автор архитектурной части – инженер П. Мамрадзе). Свое произведение автор назвал «Скорбящая Грузия».

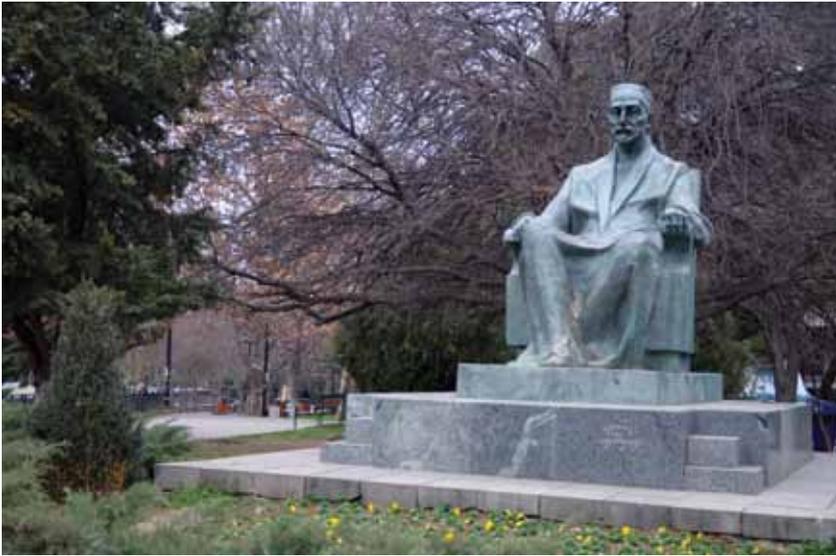
В творчестве Я. Николадзе особого внимания заслуживают портреты исторических лиц, выдающихся писателей и современников – Шота Руставели (1937), Ильи Чавчавадзе (1938), Петре Меликишвили (1932), Галактиона Табидзе (1939), Чахрухадзе (1914) и других. В 1922

Н. Алексидзе, Г. Картвелишвили, Т. Чкония. Самая

году в сквере Академического театра оперы и балета им. З. Палиашвили был открыт памятник Акакию Церетели, автором которого является Я. Николадзе.

Особого упоминания заслуживает деятельность выдающегося ваятеля и педагога Николаза Канделаки. Искусству ваяния он обучался в Петербурге под руководством великого русского скульптора Матвеева. Его портретные шедевры – А. Хорва (1948 г., бронза), А. Шанидзе (1952 г., гипс), Н. Мухелишвили (1954 г., бронза), Ш. Дадияни (1941 г., гипс), А. Кванталиани (1955 г., бронза) и др. – вошли в золотой фонд грузинской скульптуры. Его лекции об искусстве были великой школой для моло-

Б. Авалишвили. Памятник Эkvтиму Такайшвили

дых. «Ложь в искусстве вредит человеческой душе и убивает ее», – говорил он. Один из знаменитых учеников Николоза Канделаки, выдающийся скульптор современности Мераб Бердзенишвили вспоминал: «В юности меня всякий раз поражало его появление на улице. Богатырского телосложения, с растрепанной, как у льва, шевелюрой, величавый, он вышагивал обычно очень спокойно. Он не был похож ни на кого. Я часто слышал, что он – такой художник, который из глины создает людей. Прошло время, и я стал его учеником, учеником человека, который всю свою сознательную жизнь посвятил возрождению грузинской скульптуры».

С 1940-го по 1960 год в Тбилиси было установлено около 20-ти памятников. Несмотря на тяжелый период Второй мировой войны, в 1942 году была завершена работа над созданием памятника Шота Руставели (скульптор К. Мерабишвили, архитектор Ш. Тулашвили). Значительными явлениями в жизни города можно считать появление монумента «Мать-Грузия» (скульптор Э. Амашукели, Сололакская аллея, 1958 г.), памятника В.И. Ленину (скульптор В. Топуридзе, архитекторы Г. Мелкадзе, К. Чхеидзе, Ш. Кавлашвили, Г. Хечинашвили, площадь Ленина, 1956 г.), скульптурной композиции «Илья и Акакий» (скульпторы В. Топуридзе, Ш. Микатадзе, архитектор Г. Мел-

кадзе, проспект Шота Руставели, 1958 г.).

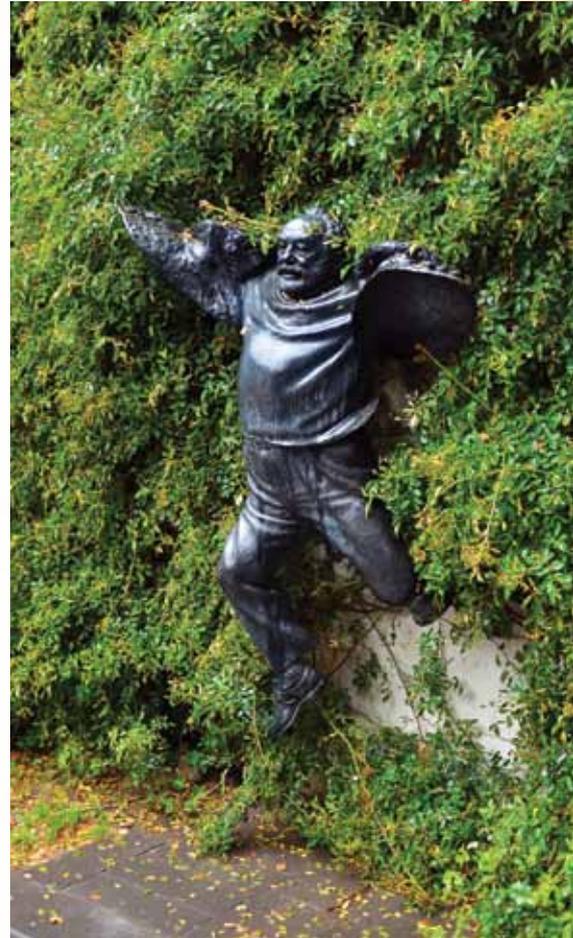
С 60-х годов XX века начинается период нового видения и восприятия скульптуры, понимания того, как она должна соединяться с окружающим пейзажем. В грузинском изобразительном искусстве появилось целое поколение молодых одаренных скульпторов. В городе прибавился не один мемориал во славу труда и борьбы. Во дворах Тбилисского государственного университета, Грузинского аграрного университета и киностудии «Грузия-фильм» были установлены памятники грузинским ученым, деятелям кино и театра. Этот факт свидетельствует о любви к отечеству руководителей упомянутых организаций.

На сегодняшний день на территории Тбилиси расположено около 300 скульптурных памятников. Большинство из них выполнено в бронзе и камне. Каждый обладает собственной художественной и исторической ценностью.

Единение городского облика и внутренней природы горожанина всегда создавало культуру города. Города отличаются друг от друга так же, как люди. У каждого города – свое лицо, свой образ, свой неповторимый колорит, свои памятники истории и искусства. А еще – люди, которые удивительно ходят на свой город и ту его часть, где проживают.

Очарование Тбилиси безгра-

нично, как безгранично его воздействие на судьбу всех, кому выпало счастье быть тбилисцами. С незапамятных времен Тбилиси учит своих горожан оставаться достойными детьми отечества. Учит любви и верности, учит беречь честь и совесть, имя и традиции, художественные ценности и духовные богатства. Мы идем по улицам Тбилиси, смотрим на памятники Шота, Илье, Акакию, Важе, Давиду, Сулхан-Саба, Галактиону и сами собой вспоминаются печальные строки поэта:

В. Микаберидзе. Памятник С. Параджанову

Здесь будет памятник
поэту возведен,
С твоими книгами сюда
сбегутся дети...
Быть – очень многому
в течение времен.
Да только нам
уже не быть на этом свете.

(Перевод Н. Баазова)

Камвольная фабрика

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ И ФАБРИКИ: ЖИЗНЬ В НОВОМ ВЕКЕ

Медая АМИРХАНОВА

Совсем недавно, гуляя по улице Цинамдзгвришвили, набрела, наконец, на бывшую табачную фабрику братьев Сейлановых, о которой много слышала. Обошла со всех сторон, много снимала, испытывая вперемешку восхищение и грусть. Стоит посреди современного города красивый исполин из другого века, другой жизни. Фасад еще приличный, но тыл и боковые стороны выдают разруху. Местами нет перекрытий между этажами, дверей – окон, разрушены стены. Табличка на фасаде предупреждает, чтобы не парковались рядом – аварийное строение. Здание имеет статус памятника культурного наследия. Что с ним будет дальше? С 2007 года оно находится во владении ООО «Аксис груп», на прилегаю-

щей территории строится жилой дом. Суждена ли ему реставрация, и когда?..

Устроители архитектурного биеннале включили в число мероприятий интересную выставку – «Индустриальное наследие Тбилиси». Больше года команда MUA посвятила этому проекту. Не просто ограничились фотографиями фабрик – заводов, но и собрали информацию. Привлекли к исследованию студентов факультетов архитектуры из четырех вузов – Тбилисской Академии художеств, университета Ильи, Свободного университета, Тбилисского технического университета. Авторы проекта – Дэви Китуашвили, Гогико Сакварелидзе, Наталия Небиеридзе. Фотограф – Ангас Ледли Браун.

Исследуемые здания в частной собственности. Первичную функцию сохранили лишь еди-

ничные производства. Большинство строений и примыкающие к ним территории сданы в аренду разным бизнесам. Искали архитектурные проекты зданий, но, как оказалось, сложная задача: архивы утеряны или уничтожены.

Международный комитет консервации индустриального наследия выступает не только за сохранение зданий. Речь идет и о старинном техническом оборудовании, установках, имуществе фабрик. Но в нашем случае, отмечают организаторы выставки, приходится говорить только о консервации и адаптации зданий.

Чтобы посетители настроились на тему, в галерее «Artarea» (кстати, тоже бывшее индустриальное здание) включили запись заводского шума. Повесили хронологическую таблицу – в какой последовательности открывались в Тифлисе, позднее – Тбилиси разные предприятия. Довольно большой отрезок времени, начиная с 20-х годов XIX века до 80-х годов XX века. Среди первых: фабрика шелка французского промышленника Кастеля (1826 год), сахарный завод («Зубалашвили и компания», 1839 год), производство по обработке кожи (Сумбаташвили, 1840 год), чугунолитейный завод Корганова (1848 год), пивоваренный завод Отто Мадера (1850 год)...

Грузинская промышленность прошла разные этапы: капиталистические мануфактуры, индустриализация, постсоветский период. Капиталистический этап начинается с 60-х гг. XIX века и длится до 1921 года. XIX век, как знаем, спокойное и стабильное время в жизни Тифлиса, османские и персидские вторжения позади, можно вздохнуть и поднимать экономику. Тифлис благодаря географическому положению, развитой сети дорог превращается в торговый и промышленный центр. Значительно растет фабрично-заводское производство.

Проследим за цифрами, которые приводит в своем экономико-географическом исследовании Вахтанг Джаошвили («Советская Грузия», 1989 год): «Если в 1875 году в тогдашней тбилисской губернии было 492 промышленных примитивных фабрики, к 1898 году число промышленных фабрик – заводов

увеличивается до 3899. Утверждению темпа капиталистической жизни содействовало проведение железных дорог в Грузии. В 1871 году первая большая магистраль Тбилиси – Поти, в 1883 году Тбилиси соединился железной дорогой со второй нефтяной станцией Черного моря – Батуми. В 1895 году Тбилиси соединился железной магистралью с Баку».

При советской власти индустриальная собственность всякого рода объявлена народной (на деле – государственной, подчеркивает Джаошвили). Происходит реконструкция старых фабрик и заводов, увеличение их мощности за счет нового технического оборудования. В этот период создается крупная промышленность.

После Второй мировой войны в союзных республиках остро встал жилищный вопрос. Нужно было обеспечить домами рабочий класс, участвовавший в восстановлении страны. Для промышленности и жилищного строительства нужны предприятия большого размера, что напрямую связано с индустрией стройматериалов. Применение железобетона меняет архитектурный облик зданий – как индустриальных, так и жилых. В Союзе следуют международному стилю. Характерные для него черты – открытые, светлые, вместительные пространства, бетонные стены, глухие парапеты...

После распада Союза, в Грузии быстро и без спроса стали переделывать существующие предприятия в акционерные общества, затем приватизировать их.

В 1997 году парламент принял закон «О приватизации государственного имущества...». Больше половины миллиона граждан Грузии стали собственниками. Особыми льготами пользовались работники предприятий (более 200 тысяч людей).

На выставке фото фабрики, завода сопровождал текст. Частичный ответ на вопрос, что стало со знакомыми нам предприятиями.

Хлебный завод N1, на улице Чубинашвили, 55. Построен кооперативом рабочих Тифлиса в 1928-1930 гг. Архитектор – И. Нестеров. Официально открылся 12 мая 1930 года. И работал вплоть

до 2000 года. Нынешний владелец – ООО «Сити лофт» (с 2018 года). Сейчас идет реконструкция. Будет использоваться в коммерческих целях.

Тбилисский керамический комбинат на Московском проспекте. Построен в 1946-1949 гг. Функционировал до 2000 года. Часть комплекса разрушена, на территории планируется строительство жилых домов. Владелец – ООО «Джей1».

Чаеразвесочная фабрика на ул. Д. Сараджишвили, 6 (Глдани – Надзаладеви). Архитектор – Александр Николаишвили, построена в 1937 – 1940 гг. Работала до 1996 года. Ныне часть территории отдана в аренду, используется под склады. Хозяева: «Тбилисская чаеразвесочная фабрика» (с 1996 года); ООО «Дидгори» (с 2020 года).

ТЭЦ (Тбилисская электростанция) в Дидубе – Чугуретском районе, на ул. Д. Абашидзе, 10. На территории 20 строений, возводились они в разные годы: 1911, 1930-1939 гг., 1959 г. ТЭЦ действовала до 1990 года. Сейчас в собственности у ООО «Сити лофт».

Три из 20 строений имеют статус памятника культурного наследия. Это электростанция (в стадии активной реконструкции), котельная, здание «Энергомонтаж».

Шелковая фабрика в районе Вере (бывшая табачная фабрика Николая Бозарджянца). Построили ее в 1858 году. Здесь трудилось 260 рабочих. На фабрике выпускали папиросы «Симпатия», «Казбек»... При советской власти национализирована и переоборудована (1926-1930 гг.). Функционировала до 1983 года. Владельцы – ООО «Лизинг» (с 2003-2005 годов), ООО «Ультрапринт» (с 2007 года). Большая часть фабрики отдана в аренду частным бизнесам. На территории расположены съемочные павильоны, театр, выставочные залы, ремесленные мастерские.

Тбилисский мельничный комбинат в Исани-Самгорском районе, построенный московской организацией «Хлебострой» в 1931-1935 гг., не функционирует после 2000 года. Принадлежал ООО «Мзекабани» (1996-2012 гг.), ООО «Агросистемы» совершило покупку в 2005 году.

Ни дня не работал по прямому назначению уксусный завод «Самтреста» (Глдани-Надзаладеви). В 2000 году сюда заселились семьи из Абхазии. Ныне проживают 28 семей ВПЛ и семь семей, оставшихся без крова. Собственник этого объекта – ООО «Самта» (с 2008 года). На территории 10,238.000 кв. м. много автозаправочных сервисов и складов.

Там, где сейчас расположен строительный гипермаркет «Горгия» (проспект Церетели, 140), раньше работал камвольно-суконный комбинат. Построенный в 20-х годах прошлого столетия, он действовал до 2003 года. С 1994 года бывшим комбинатом владеет «Мауди».

Тбилисский керамический комбинат

Часть старых строений сдана в аренду, используется как склады. Первый этаж административного здания занимают мастерские, объекты питания... Верхние этажи строений пустуют, заброшены, полностью запущена система коммуникаций, нет окон, дверей, перекрытий...

Завод «Центролит» на улице Андроникашвили, 29 вошел в эксплуатацию в 1934 году. Сегодня им владеет ООО «Джорджин билдинг груп». На территории развернуто цементное и бетонное производство.

«Мы не должны забывать об исторической, экономической, культурной, социальной ценности этих зданий», – говорят организаторы выставки. Обещают продолжить исследование, и расширить его географию (охватить регионы Грузии), как только позволит эпидемиологическая обстановка.

«Белый духан»

ИЗ «ВАРЯГА» — В МИРОВУЮ СЛАВУ

■ **Ирина ДЗУЦОВА**

Неповторимая аура многоязычного Тифлиса, специфичная атмосфера жизни и быта в городе складывались на протяжении веков. Посещавшие его путешественники отмечали особый характер повседневной жизни города. Их впечатляло количество храмов разных конфессий, серные бани,личные зрелища, праздники, торговые лавки, караван-сарай, мастерские ремесленников и... духаны. Духаны были не просто местом для шумных застолий, но сценой, на которой разыгрывалось яркое театральное действо. Эраст Кузнецов справедливо замечает: «Духан имел функции более широкие и многообразные, чем это следовало из его прямого назначения. Духан был своего рода маленьким клубом, обладавшим определенной индивидуальностью: постоянное место и связанные с ним особенности

(специфический район города и квартал, достопримечательности разного рода и т.д.), индивидуальность владельца (его происхождение, вкусы, дружеские и родственные связи), постоянный круг его посетителей со своими привычками и, наконец, постепенно зарождающаяся некая общность людей со своей социальной психологией». (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2012, стр. 282).

Духаны являлись несомненной достопримечательностью Тифлиса. «Духан соединял людей за стаканом вина, за душевной беседой... Книга о тифлисских духанах (будь она написана) изобиловала бы неожиданными поступками, продиктованными вдохновением и широтой... Склонность духанщиков к меценатству, к покровительству искусствам общеизвестна... Здесь были и искреннее увлечение поэзией,

музыкой или живописью, и простое человеческое тщеславие, и расчет на рекламу, приманку для посетителей, которой становился поэт, читающий свои стихи, художник, рисующий за столиком, или сазандар, слагающий песни». (Э. Кузнецов, «Пиросмани», Санкт-Петербург, 2006, стр. 83).

Своеобразен был и сам духанщик: многие обладали подлинным вкусом к жизни, были поэтами своего дела. Духанщик считал себя не хозяином торгово-питейного заведения, но хозяином дома, в который пришли гости. Известный русский путешественник Е. Марков писал: «Духан — удивительно счастливая выдумка кавказского населения... Закавказский духан — не наш российский кабак... Путешественнику доехать до духана — истинная отрада... В духане — все, что необходимо дорожному человеку... А какие любопытные, какие поучительные встречи и знакомства делаются в духане! Каких характерных типов насмотритесь вы здесь, каких наслушаетесь характерных разговоров!». (Е. Марков, «Очерки Кавказа», Санкт-Петербург-Москва, 1904, стр. 364).

Нико Пиросмани. «Белый духан»

В конце XIX в. вплоть до 1920-х гг. в Тифлисе насчитывалось около 200 духанов. Поэт Иосиф Гришашвили отмечал: «В Тбилиси было немало духанов вроде чайной «Родина», кавакханы «Саят-Нова», закускойной «Гамлет», где устраивались целые поэтические состязания, а у духанщика Абрагунэ кормилась вся тбилисская богема». (И. Гришашвили, «Литературная богема старого Тбилиси», Тбилиси, 1977, стр. 83).

Фантазия владельцев духанов находила выражение, среди прочего, в экзотических названиях их заведений: «Не уезжай сухой», «Не уезжай голубчик мой», «Загляни дорогой», «Ноев ковчег», «Тили пучури» (т.е. «маленькая вошка»), «Париж», «Вершина Эльбруса», «Эльдорадо», «Аргентина», «Шантеклер», «Джентльмен», «Симпатия». Владелец «Симпатии» Аветик лично встречал на пороге таких гостей, как В. Маяковский, С. Есенин, И. Эренбург, Н. Вацнадзе, Т. Табидзе, П. Яшвили, Г. Леонидзе, С. Чиковани, и с неизменной улыбкой спрашивал: «Что желаете – оленьи мацони или птичье молоко?». Эти названия вобрали в себя пряный, цветистый, озорной и остроумный язык старого многоязычного Тбилиси. Знаток старого Тифлиса поэт Георгий Евангулов признавался в стихотворении

«Тифлисское»: «Люблю кутить – веселый демон//в садах и летом и зимой,//читать на вывесках «Эдема»//Не уезжай, голубчик мой! //Ленивый, праздничный Тифлис!».

Для Нико Пиросмани тифлиссские духаны были и домом, и местом работы. Он находил пристанище в духане «Рача» Матэ Гвимрадзе, в духане братьев Ситаташвили, в «Карданахи» у Месхишвили, у Бего Якиева. Они предоставляли ему кров, гонорар, одежду, стол и, главное, возможностью заниматься живописью. Неслучайно Пиросмани называли «духанский живописец».

Низкий общекультурный уровень духанщиков не был препятствием для тонкого, интуитивного понимания творчества Пиросмани. Они заказывали ему вывески, картины и портреты. Многие из них восхищались талантом художника, были первыми его зрителями и приветствовали его специальными тостами. Им нравилось, как художник преображал стены духана, создавая ему определенную репутацию. Благодаря картинам Пиросмани, духанщик и его гости переносились в другой, параллельный мир.

Изображение духана присутствует на многих картинах Пиросмани, причем не просто как обыденная реальность, а как постоянная доминанта его худо-

жественной системы. Художник понимал, что вино и хлеб, освященные словом – тостом – име-

Нико Пиросмани. Вывеска

Арба с двумя бурдюками перед духаном

ют важное значение в жизни человека. Он возвышал их до литургической значимости.

Он часто писал портреты духанщиков – А. Гаранова, Г. Титичева, Д. Алугишвили, Саркиса, Б. Якиева, а также групповые картины с другими духанщиками: «Семейный пикник», «Кутеж у Гвимрадзе», «Кутеж тифлисских торговцев с граммофоном» и др.

Именно в духане под названием «Варяг» был открыт Пиросмани в 1912 г. Михаилом Ле-Дантю и Кириллом Зданевичем, а портрет третьего первооткрывателя Пиросмани, Илья Зданевича, был написан Пиросмани в духане Сандро Кочлашвили в 1913 г. Почти все картины художника были обнаружены в духанах. Названия их приводятся в «Кавказском альбоме» М. Ле-Дантю (1912 г.) и в дневнике И. Зданевича (1913 г.). Известно, что в утерянном дневнике поэта Колау (Николая) Чернявского также были указаны названия и адреса духанов, где имелись картины Пиросмани. Кроме того, основная информация о жизни и творчестве Пиросмани была получена И. и К. Зданевичами, Г. Леонидзе и другими именно от духанщиков.

Хотя платили они Пиросмани за работу мало, справедливости ради надо отметить, что зачастую он сам отказывался от денег и брал лишь сумму, необходимую для покупки красок и клеенки. Особенности характера Пиросмани – обостренное самолюбие, горделивость, ка-

тегорическое неприятие вмешательства духанщиков в его работу, а также страсть к выпивке – не мешали им быть дружелюбными по отношению к художнику. С. Кочлашвили, Б. Якиев, Лимона были не только заказчиками, но и приятелями Пиросмани. До нас дошла фраза Г. Титичева, обращенная к посетителям, иронично воспринявшим картины Пиросмани: «Нашего художника здесь все любят». Г. Титичев предоставил Пиросмани полную свободу рисовать. Он отказался продать его картины братьям Зданевичам: «На вес золота». В его духане висели «Жираф», «Черный лев», «Ортачалские красавицы», «Дворник», «Повар» и другие работы Пиросмани, прославившие художника и ставшие гордостью музейных залов.

Б. Якиев воспринял смерть Пиросмани как несчастье: «Не верится, что не увидим его. Я не мог оказать ему последнее уважение, устроить поминки и заказать музыку на могиле».

Осенью 1920 г. писатель Илья Эренбург побывал в Тифлисе вместе с Осипом Мандельштамом. «Каждый день мы обедали – более того, каждый вечер ужинали. У Паоло [поэт Паоло Яшвили] и Тициана [поэт Тициан Табидзе] денег не было, но они нас принимали с роскошью средневековых князей, выбирали самые знаменитые духаны. Мы восхищались в духанах картинами Пиросманашвили, грузинским Руссо, художника-самоучки, который

за шашлык и вино расписывал стены погребков. Он был прост, патетичен, поражал умелой композицией и полнотой цвета». (И. Эренбург, «Люди, годы, жизнь», Москва, 1990, т. 1, кн. 2, стр. 317).

Частыми посетителями тифлисских духанов были и те, кто искал новые пути в искусстве, протестуя против академических форм. Они увлекались народным творчеством, лубком, вывесками. В поисках картин Пиросмани братья Кирилл и Илья Зданевичи, Михаил Ле-Дантю, Колау Чернявский, художник Зига (Сигизмунд) Валишевский обошли едва ли не все тифлисские духаны. Они покупали и экспонировали картины Пиросмани, писали о них статьи, провозгласили национальное в искусстве. У этих адептов различных новых «измов» в искусстве (кубизма, футуризма и т.д.) Пиросмани вызывал восхищение, восторг. Творчество Пиросмани утверждало их собственные эстетические позиции и являлось примером слияния народной традиции и новой эстетики.

Благодаря им Пиросмани приобрел мировую славу. С легкой руки молодых и талантливых участников художественной жизни Тифлиса Пиросмани был вырван из безвестности и титулован гениальным. Владельцы духанов и авангардисты прославили Пиросмани как носителя универсальных истин, преобразовавшего будничное в фантастическое. Газета футуристов «41°» (N1, Тифлис, 1919) писала: «Национального гения Грузии «Нико Пиросманашвили открыли и спасли футуристы».

В дневнике встреч с Пиросмани, который мне посчастливилось отыскать в 1989 г. в Париже и вернуть в Грузию, И. Зданевич призывал: «Те, кто сумеют понять Пиросманашвили, должны оказать ему помощь – их дела не будут забыты». Жизнь и время доказали: старания владельцев духанов и энтузиазм молодых авангардистов не забыты. Их имена вписаны на страницы творческой биографии художника. Они заслужили нашу благодарность.

GRINIKO

599 62 13 13

თბილისი
ბესიკის ქუჩა №4
ბიზნეს ცენტრი, ოთახი №102

მარნეული
შოთა რუსთაველის ქუჩა №70ა

ქუთაისი
აკაკი წერეთლის 4/4ა
სავაჭრო ცენტრი ქარვასლა, ოთახი №42

GRINIKO

რუსეთის ფედერაციის
ეოწვევა
ყველაზე დაბალ ფასად

300
ლარი

- ტრანსფერი
- ავიაბილეთები
- ტურები საქართველოში
- ტურები საზღვარგარეთ
- სამომგაურო დაზღვევა
- ფოტო

В 1985 году на правой набережной был открыт памятник последнему тбилисскому ашугу Иэтиму Гурджи. Скульптор Д. Микатадзе, архитектор Ш. Кавлашвили.

Фото Александра Сватикова

